

Р

УССКИЕ В ГРУЗИИ

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СОЗДАТЕЛЬ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

АНДРЕЙ КРАСНОВ

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
А.Н. КРАСНОВА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СОЗДАТЕЛЬ РАЯ
НА ЗЕМЛЕ

АНДРЕЙ КРАСНОВ

Тбилиси
2014

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку - в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения, а в начале XVII века Россия стала религиозным и дипломатическим покровителем Иверской земли. При Петре Первом на берегах речки Пресни была заложена Грузинская слобода (в просторечье - «Грузины», ныне - Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особенно тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой - в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские - опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель -

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта -

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ

© **Русский клуб. 2014**

ISBN 978-9941-0-7077-8

Как гласит древняя легенда, когда Бог раздавал людям земли, грузины на раздачу опоздали. К тому времени, как они явились, свободных земель не осталось. Бог спросил их о причине опоздания. Грузины ответили, что задержались на застолье, где пили за здоровье Господа. Богу понравился их ответ, и Он сказал: «Я отдам вам маленький райский уголок, который припас для себя». Грузины поблагодарили и обещали беречь несравненную по красоте землю во имя Господа. Эта земля – Колхида.

Н. ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СОЗДАТЕЛЬ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

Колхида, древнейшее царство на берегу Черного моря, была первым государством, расположенным на территории Грузии, в ее западной части, образованным племенами колхов. В античном мире считали, что эта далекая и загадочная земля находится на краю света и солнце садится именно в Колхиде, а правят в ней потомки бога солнца Гелиоса. Туда за золотым руном отправились аргonautы, в горах Колхиды был прикован титан Прометей.

Колхида, называемая ныне Аджарией, когда-то была малозаселенной окраиной Османской империи, царством болот. Вот как ее описывал великий Константин Пау-

стовский в повести «Колхида»: «Вся страна представляет собой зеркало болот. Откуда здесь болота? Прежде всего – нет стока. Потом вечные дожди и переливы рек через берега. Страна плоская как тарелка... Из-за болот здесь страшная бедность растительных форм: ольха и опять ольха, будь она проклята! ... Дожди без передышки лились на эту несчастную, промокшую до костей страну. Это малярийная пустыня в полном смысле слова. Каждый год умирали от лихорадки люди и животные. Деревни целиком вымирали от лихорадки». И еще: «Леса Колхиды стояли по колено в воде. Корни деревьев плохо держались в илстой почве. Несколько рабочих легко валили дерево, обвязав его цепью. Это считалось безопасной работой. Деревья никогда не падали. Они повисали на колючих лианах толщиной

в человеческую руку. Леса густо заросли облепихой и ломоносом, ежевикой и папоротником. Сила растительности была потрясающей. Ломонос всползал на деревья и переламывал их, как траву. Кусты ежевики подымались на глазах. За лето они вырастали на два метра. Трава в этих лесах не росла. В них было темно, душно и почти не было птиц. Птиц заменяли летучие мыши. Леса стояли непроходимые и мертвые в тумане теплых дождей. Когда дул ветер, леса внезапно меняли темный цвет и становились точно ртутными. Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой».

Андрей Краснов взрастил на этой земле ботанический сад и превратил уголок Колхиды в райское место. Да простит нам добрый читатель такую параллель, но описание рая, данное святым Андреем в X веке, словно бы пророчески повествует о саде на Зеленом Мысе, о батумских субтропиках, созданных в XX веке его тезкой: «Я увидел себя в раю прекрасном и удивительном... Радуюсь

этой красоте, дивясь умом и сердцем, ...ходил по нему и веселился. Там были многие сады с высокими деревьями: они колебались вершинами своими и увеселяли зрение, от ветвей их исходило великое благоухание... Птиц в этих садах было бесчисленное множество... На другом берегу реки был виноградник... Дышали там с четырех сторон ветры тихие и благоухающие; от их дыхания колебались сады и производили дивный шум листьями своими...» Таков рай. Таков сад Андрея Краснова.

Имя выдающегося ученого, первопроходца во многих сферах знания, творца Батумского ботанического сада сегодня, увы, остается малоизвестным для широкой общественности России и Грузии. А ведь Андрей Краснов достоин того, чтобы потомки не только были ему благодарны, но и гордились его деяниями и достижениями.

Андрей Николаевич Краснов родился 27 октября 1862 года в Петербурге, в семье потомственных военных.

Прадед, Иван Кузьмич Краснов, - генерал-майор войска Донского, соратник Суворова, Кутузова и Платова, герой Отечественной войны, павший от французского ядра в авангардном деле под Колоцким монастырем. Дед, Иван Иванович Краснов – генерал-лейтенант, командир Лейб-гвардии Казачьего полка, писатель, общественный деятель, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени. Отец, Николай Иванович Краснов, - генерал-лейтенант, военный историк, писатель, участник Крымской кампании, кавалер орденов святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 3-й степени, Святого Станислава 1-й степени. Мать, Феодосия Ильинична, - из интеллигентной петербургской семьи. Младший брат, Платон Николаевич Краснов, - писатель, переводчик, критик и публицист (был женат на тетке Александра Блока – писательнице Екатерине Бекетовой). Второй младший брат, Петр Николаевич Краснов, - генерал-лейтенант, герой Первой мировой войны, один из руководителей Белого движения, атаман Всевеликого Войска Донского, писатель и публицист (во время Второй мировой войны занимал пост

начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий).

Андрей Краснов учился в 1-й Санкт-Петербургской классической гимназии. В совершенстве овладел греческим языком, латынью, читал в подлинниках и переводил на русский греческих и римских авторов – Вергилия, Овидия, Софокла, Геродота,

Тацита. (Кстати, Краснов свободно говорил по-немецки, по-английски и по-французски, а финский язык изучил настолько, что перевел в стихах «Калевалу»). Школьником Андрей зачитывался романами Жюль Верна, книгами известных путешествен-

ников. Натуралист с детства, он уже в 4-5 классах гимназии обладал большим знанием окружающей природы. Увлекался энтомологией, химией. Окончил гимназию с золотой медалью и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Принимал активное участие в студенческом научно-литературном обществе и в кружке молодых ботаников.

Научная жизнь Петербурга 1880-х гг. отличалась необыкновенной интенсивностью – при Петербургском университете создавалось новое направление в почвоведении, проводились исследования в области изучения живой природы в тесной связи с историей Земли, характером почв. Современные искания и достижения не могли не воодушевлять молодого ученого. Непосредственное благотворное влияние на устремления и интересы Андрея Краснова оказали Василий Докучаев (геолог, почвовед, профессор минералогии, основатель национальной школы почвоведения и географии почв), Андрей Бекетов (ботаник, педагог, общественный деятель, основоположник географии растительности в России, почетный член Петербургской Академии наук), Иван Мушкетов (геолог, географ, путешественник, член Императорского Русского географического общества). Движимый научным вдохновением, Краснов вплотную занялся вопросами физической географии, геологии, почвоведения, но особенно – ботаники. И очень скоро зарекомендовал себя как по-

▲ А.Н. Краснов с однокурсниками

дающий серьезные надежды ученый-ботаник. Со студенческой скамьи Краснов участвует в работе Русского географического общества, Петербургского общества естествоиспытателей. Второкурсником, в 1882 г., входит в состав экспедиции по Алтаю (часть гербария алтайских растений, собранного Красновым, хранится в Гербарии имени И.П. Бородине Санкт-Петербургской лесотехнической академии). Вскоре принимает участие в экспедициях В.В. Докучаева в Нижегородской и Полтавской губерниях. В 1884 г. Андрей Краснов представил в университете работу «О происхождении чернозема», которая была удостоена золотой медали. В 1885 г. окончил курс университета со степенью кандидата, остался при университете и начал готовиться к профессорской деятельности. Он принял участие в экс-

▲ Здание Двенадцати коллегий в Санкт-Петербурге

педиции по Калмыцким степям под руководством профессора Мушкетова. За эти исследования был удостоен серебряной медали и избран действительным членом Географического общества. Краснов путешествует по Швейцарии, Италии, Германии. Весной 1886 г. на средства Императорского Русского географического общества Краснов был командирован для исследования Центрального Тянь-Шаня. Кроме того, ученый исследовал и пограничные области Китая. Материалы экспедиции он впоследствии использовал в магистерской диссертации «Опыт истории развития флоры южной части восточного Тянь-Шаня».

В 1887 г. Краснов сдает магистерские экзамены и отправляется в Европу, где посещает ряд западноевропейских университетов,

слушает лекции известных ученых. Краснов строг и требователен, и далеко не каждый из них кажется ему заслуживающим интереса и уважения. Так, в Берлине он прослушал курс лекций очень авторитетного в те годы немецкого географа и геолога профессора Фердинанда Пауля Вильгельма фон Рихтгофена, президента Берлинского географического общества, и остался совершенно не удовлетворенным. В письме к В. Вернадскому он пишет: «Сию в Берлине и слушаю очень скверные лекции Рихтгофена. Он читает, совершенно не готовясь, какое-то геологическое попури».

Находясь в Бреславле (Бреслау, ныне – Вроцлав) делает доклад, посвященный экспедициям в Азию, и озвучивает собственную теорию происхождения лесов.

В 1888 г. Краснов возвращается в Петербург и в марте следующего года защищает диссертацию на соискание степени магистра ботаники. (Этот труд является одной из наиболее выдающихся его работ). Обсуждение диссертации продлилось четыре часа. Профессор Докучаев резюмировал, что работа изумляет своей глубиной и оригинальностью и является подлинным открытием в изучении природы Тянь-Шаня. В рецензии на диссертацию Краснова В. Докучаев писал: «По глубине, широте и цельности постановки геоботанических вопросов, по эрудиции, талантливости... у Краснова нет соперников в России. Можно констатировать, что молодой Краснов станет украшением любой кафедры геоботаники и географии в России».

Краснову – 27 лет. Молодого магистра приглашают на открывшуюся в Харьковском университете кафедру географии. Осенью 1889 г. он переезжает в Харьков и приступает к работе как экстраординарный профессор (т.е. профессор без должности, который не заведует кафедрой и не является членом ученого совета факультета, в отличие от ординарного профессора – *Н. З.-Ш.*).

16 сентября 1889 г. Андрей Николаевич читает вступительную лекцию «География как новая университетская наука», в которой высказывает новый прогрессивный взгляд на задачи географии. Он считает, что география должна быть не столько описательной, сколько глубоко изучающей процессы и явления, происходящие на земной поверхности.

В заключительной части лекции он сформулировал те цели, к которым должны стремиться русские ученые-географы: «Мы, владея столь большим куском вселенной, к стыду своему должны сознаться, что до сих пор не знаем ни своего отечества, ни роли его природы на материке Евразии... Научное землеведение возникает у нас одновременно с западом. Наука эта – широкая по своему плану, требующая как широких обобщений, так и умения всею душою понять чужую природу, чуждый характер и привычки, по духу своему более, чем какая бы то ни было, соответствует нам, русским,

▲ А.Н. Краснов с коллегами

которые, как показала наша история, наша цивилизация, наша беллетристика, более чем какой народ, обладают указанными свойствами. А поэтому будем надеяться, что,

развившись у нас, она станет действительно наукой русской по преимуществу».

Приступив к работе в Харьковском университете в качестве экстраординарного профессора кафедры физической географии и антропогеографии, Краснов энергично взялся за дело. Первым делом он включил в учебную программу курс общего земледоведения, задачи которого изложил во вступительной лекции: необходимо «связать выводы астрономии, астрофизики, геологии, которые касаются земного шара, вывести из них как следствие современные климаты, распределение явлений динамической геологии, грунтов, растений, животных и человеческих племен».

Краснов организовал географический кабинет, библиотеку, студенческий географический кружок.

Именно Андрей Краснов первым в России ввел в университетскую программу учебные экскурсии. Он не жалеет сил и времени на организацию этого дела, добивается льготного проезда и пособий для студентов. Одновременно ведет просветительскую и культурную работу – читает публичные лекции, публикуется в местной прессе, создает отдел географии при городском музее, участвует в работе Харьковского общества грамотности. Краснов пытается возродить запущенный университетский сад и превратить его в ботанический, занимается расчисткой и посадками, публикует статью «Харьковский университетский сад и его задачи». (Работе помешал недостаток средств).

Летом 1890 г. Краснов принял участие в работе Международного геологического конгресса в Вашинг-

тоне с докладом «Чернозем степной южной России», а затем отправился в путешествие по Америке.

Вернувшись в Россию, организовал для студентов несколько географических экспедиций на Кавказ: в Сванетию и по Военно-Грузинской дороге.

Кроме Кавказа, Краснов занимается исследованиями природы и антропологическими изысканиями в Харьковской и Полтавской губерниях, публикует работы «Рельеф, растительность и почва Харьковской губернии», «Об антропологических типах Харьковского уезда и г. Харькова», «Об антропологических исследованиях и измерениях в Харьковском и Валковском уезде», выступает с докладами «Современное состояние и ближайшие задачи геоботанических исследований южнорусских степей» и «О нагорной флоре Сванетии».

И все-таки основным научным интересом Краснова было изучение тропических и субтропических стран. В 1891 году он проехал по юго-восточному Кавказу, посетил Баку, исследовал грязевые вулканы. Весной 1892 года на собственные (заметим, невеликие) средства Краснов отправился в экспедицию вокруг берегов Азии по маршруту: Сахалин – Япония – Китай – Ява – Сингапур – Цейлон. По итогам путешествия опубликовал работы, которые и сейчас не имеют себе равных в мировой научной литературе.

В апреле 1892 г. в Московском университете Краснов успешно защищает диссертацию «Травянистые

степи северного полушария» на соискание степени доктора географии – этот труд является единственной монографией в мире, охватывающей почти все степи северного полушария. В диссертации представлен свод данных о географическом пространстве, облике, растительности и почвенном покрове травянистых степей, проанализированы все ранее существовавшие теории их происхождения.

Осенью 1894 г. Краснов (теперь уже ординарный профессор Харьковского университета) публикует первую статью, посвященную Колхиде, – «Батумский край как русский уголок субтропической природы».

В 1895 году в составе экспедиции, снаряженной царским правительством, Андрей Краснов отправляется в кругосветное путешествие. Маршрут путешествия пролегал по Египту, Индии, Китаю, Японии, США, Италии, Германии. Из экспедиции Краснов привез «двенадцать даров

Востока»: чай, мандарины, хурму, строительный бамбук, масляное дерево (тунг), лаковое, восковое и бумажное деревья, рами, ямс, таро, леспедецу, которые были высажены в районе Чаквы.

10 июня 1898 года Краснов женится на Анастасии Николаевне Радаковой, школьной учительнице.

В 1899 г. на Международном географическом конгрессе Краснов с успехом выступает с докладом «Место Колхиды во влажных субтропических областях земного шара», который вызвал серьезный интерес. А в двухтомном труде «Чайные округа субтропических областей Азии» ученый изложил результаты своих исследований во время кругосветного путешествия (том I – «Япония», том II – «Китай, Индия и Цейлон, Колхида»). Краснов делает вывод, что

между субтропическими областями Азии и Черноморским побережьем существует большое сходство, и субтропические культуры могут свободно развиваться на Кавказе: «Можно смело заключить, что чай батумский при правильной высадке, сборе и уходе не только не уступит лучшим сортам чая китайского, но и превзойдет его... Ему можно предсказать блестящую будущность».

В этом же году Краснов, кроме кафедры географии в Харьковском университете, занимает кафедру ботаники в Харьковском ветеринарном институте, при котором несколько лет спустя создает ботанико-географический сад, в котором высаживает самые разные растения – из субтропических стран Азии, с Атлантического побережья. Этот уголок экзотической флоры стал прямым

предшественником Батумского ботанического сада.

Однако руководство ветеринарного института не давало ученому никаких средств на сохранение и развитие уникального сада. А ведь Краснов жил и дышал идеей создания русских тропиков и субтропиков! Но в Харькове осуществиться его мечте было не дано. И тогда на небольшую сумму, оставшуюся в наследство от отца, он покупает неподалеку от Сочи, в Хосте, около 12 десятин земли.

В те годы Сочинский район представлял собой овраги и кочки, покрытые лесом и мелким колючим кустарником. Андрею Краснову понадобилось два года, чтобы создать здесь живописную местность с экзотическими растениями. Чтобы привлечь внимание к своим опытам, он пишет и публикует статьи «Географический очерк округа Сочи на Черноморском побережье», «Береговая полоса Сочинского района и особенности распространения ее почв и растительности», «О влиянии климата и рельефа на растительность в Сочинском округе». (Кстати, во многом благодаря деятельности Краснова Черноморское побережье Кавказа начало активно заселяться и культивироваться).

Сегодня вечнозеленая флора Сочи и его окрестностей поражает роскошью и разнообразием: мексиканская юкка славная и агавы, южноамериканская араукария, североамериканские секвойя и магнолии, австралийские эвкалипты и серебристая акация, японские мушмулы

и конфетное дерево, китайские чайный куст и глициния, гималайские кедр, 27 видов субтропических пальм... У истоков создания этих русских субтропиков стоял Андрей Николаевич Краснов.

А тогда, в 1903 году, выдалась на редкость холодная зима. Непогода повредила некоторые тропические и субтропические растения. Все было, в общем-то, поправимо, но в регионе началась эпидемия малярии. Опасаясь за здоровье маленькой дочери, Краснов продает сад и дом.

К тому же проведенные Красновым опыты по акклиматизации доказали, что черноморские субтропики надо все-таки устроить еще южнее – близ Батуми.

Вообще Андрей Краснов был влюблен в Колхиду. Он писал: «Кавказ по необыкновенному разнообразию явлений природы, по их красоте и величии, по характерности своего животного и растительного мира и складу человеческой жизни бесспорно занимает первое место».

Впервые Батумский край Краснов посетил в 1893 году и убедился, что «батумское побережье – это единственный пункт нашего отечества, где является возможность воспитывать растения таких стран, как Новая Зеландия, Гималаи, Япония

и Флорида». Краснов был уверен, что черноморские субтропики можно превратить в цветущую страну, где «...могут расти самые теплолюбивые экзоты». Он мечтает о превращении Колхиды в край, который будет поражать воображение уникальным разнообразием флоры. В газете «Кавказ» Краснов печатает серию статей, пропагандирует культуру чая в Батуми. Узнав, что в Японии возделывается до 430 растений, годных в пищу, он настаивает на том, чтобы внедрить многие из них в Колхиде, и вообще – перенести тропическую флору в Россию. Изучив растительность, климат и почвы Кавказа, он приходит к выводу, что берег Черного моря, особенно Колхида, - это типичные влажные субтропики, и намечает грандиозный план по акклиматизации субтропических культур. Вспомним, что еще в 1897 году ученый высадил в районе Чаквы «12 даров Востока». В августе 1910 г. Краснов приезжает в Батуми и поражается тому, как прижились и расцвели эти «дары», превратив дикие дебри в экзотический лес.

Идея создания сада овладевает Красновым всецело, и он начинает добиваться ее осуществления. В Батуми делает доклад в городской думе на тему «Что можно сделать в батумском климате». На заседании Батумского товарищества сельских хозяйственников докладывает «Об организации акклиматизационного ботанического сада в приморском районе Батумской области». Издает первый том книги «Натуралист на Кавказе». Вскоре батумские городские власти объявляют о поддержке планов Краснова.

В 1911 г. ученый едет в Петербург и подает главному управляющему землеустройством и землевладением А.В. Кривошеину докладную записку, в которой излагает и обосновывает свой план устройства

ботанического сада на Батумском побережье. Записка была одобрена, правительство Российской империи выделило на осуществление плана Краснова немалую сумму из казны, и Краснову поручается организовать Батумский ботанический сад.

Весной 1912 г. он выходит в отставку, окончательно переезжает в Батум и приступает к преобразованию Колхиды.

Причем делает это с особенной энергией – его здоровье к тому времени серьезно подорвано, он знает о своей тяжелой болезни и решает посвятить остаток лет воплощению мечты всей жизни.

3 ноября 1912 г. под сад было выделено 65 десятин (ныне площадь сада составляет 113

га) на выбранном Красновым месте на Зеленом мысе в 9 километрах от Батуми (41°38' с.ш. 41°39' в.д.). Эта дата – день рождения Батумского ботанического сада и научной лаборатории под открытым небом, которыми Андрей Краснов руководил в должности директора вплоть до своей кончины.

Ученый провел колоссальную фитомелиорацию территории сада – осушил болота, используя уникальную способность австралийских эвкалиптов откачивать воды из почвы. Он привлек к сотрудничеству круп-

нейшие садовые и цветочные фирмы США, Японии, Китая, Австралии, знатоков и любителей флоры со всего мира.

Используя исключительно разнообразный рельеф местности (ущелья, хребты, склоны), он создал уникальную ландшафтно-географическую структуру, расположив климатическими ярусами более пяти

тысяч растений со всего мира, заложил плантации цитрусов и чая, прививил в Колхиде фейхоа, хурму, инжир, гранаты, авокадо, рамс, бамбук, хинное и камфорное деревья, пинии, кипарисы, глицинии, пальмы, магнолии...

В Батумском саду были созданы отделы Чили, Австралии и Новой Зеландии, Гималаев. Уже через год в Американском отделе сада росли 20 сортов агав, 12 сортов сои, множество сосен, дубов, пальм, кипарисы. В Японском отделе высадили японскую хурму, несколько видов

риса, лотосы, технические деревья – восковые, лаковые, бумажные и масляные. В саду росли чайные кусты из Китая, Индии, Японии и Цейлона. Субтропический хлопок, посеянный в мае, осенью был выше человеческого роста, а батат дал богатый урожай и девять его сортов отправились на выставку в Петербург.

Привлекая интерес местного населения к экзотическим растениям, Краснов в одной из статей приводит

ряд кулинарных советов и рецептов из субтропической кулинарии, которые почерпнул, путешествуя в тропиках. Например: «Лимонный лист, предварительно свернутый в трубочку и затем мелко искрошенный, заменяет петрушку». Или: «Пирожки с хризантемою к ухе. Берут листья белой или розовой хризантемы. Изготовив тесто, как обыкновенно, из муки с яйцами, в него вкладывают листья хризантем, между листьями же кладут лепестки. Сложенные таким образом листья с лепестками служат начинкой к пирожкам». А вот еще: «Печенье к чаю из листьев хризантем. Берут самые жирные и сочные листья белой или розовой хризантем и обмывают их водой. Затем, вытерев насухо полотенцем, обмакивают во взбитые с сахаром яйца и обваливают в мелко просеянных сухарях или в муке и обжаривают в сливочном или растительном масле. Печенье из листьев хризантем очень нежно, вкусно и может долго храниться».

В 1913 г. Краснов публикует статью «Батумский ботанический сад за первый год его существования», принимает участие в выставке «Русская Ривьера» в Петербурге, продолжает авторскую серию очерков «Натуралист на Кавказе». Но и это не все – Андрей Краснов блестяще овладевает грузинским языком и первым в истории литературы переводит на русский язык поэзию Важа-Пшавела.

Напряженная работа окончательно подорвала здоровье ученого. В 1914 г. по предписанию врачей он

едет лечиться в Париж, но вскоре возвращается (в связи с началом Первой мировой войны). Возвращаясь в Грузию, Краснов проезжает Харьков, где читает свою последнюю публичную лекцию, посвященную региону Батуми. Затем едет в Батуми, откуда – в Тифлис, где читает курс лекций на Высших женских курсах.

Осенью Андрей Краснов работает над путеводителем по Батумскому ботаническому саду.

Он умер 19 декабря 1914 года. Похоронен на выбранном им самим месте, про которое написал: «Сделайте от моей могилы просеку, чтобы мне видна была Чаква с окружающими ее снеговыми горами, куточками моря; я там впервые начал работу; там тоже осталась частичка моего я...»

Смерть его прошла почти незамеченной в широких кругах русского общества. Память выдающегося ученого почтили лишь в Батуми и Харькове.

Остался Сад – вечный живой памятник Андрею Николаевичу Краснову.

А.Н. Краснов, которому принадлежат важные научные достижения, не был по достоинству оценен современниками, не заметившими его глобального подхода к научным проблемам.

А ведь именно Краснов превратил отечественную географию из учебной дисциплины в самую актуальную и результативную область научной деятельности и дал ей возможность занять видное место в мировой науке.

А.Н. Краснов, как и его выдающийся учитель В.В. Докучаев, стали первыми землеведами, которые реально воплотили часть своих знаний в практическую деятельность.

Определяя содержание географии, Краснов писал: «География – это наука, которая изучает современное состояние земной поверхности. Она стремится найти причинную

▲ Памятник А.Н. Краснову в Батумском ботаническом саду

связь между формами и явлениями, объединение которых предопределяет непохожесть разных частей этой поверхности, исследует их характер, распределение и влияние на жизнь и культуру человека... Она изучает закономерность в объединении тех элементов, которые входят в область исследования перечислен-

ных нами наук, и влияние этих объединений на человека».

«Предметом географии, - утверждал ученый, - всегда являлся земной шар, описание его материков и морей и осознание явлений, которые на нем происходят и определяют обстоятельства и судьбу человечества, которое его населяет».

А.Н. Краснов внедрил фитогеографию, связал ее с известной классификацией климатов В.П. Кеппена, осуществил районирование земного шара по типам растительности по зонально-географическому принципу. Он выделил десять зон и пять ландшафтных областей; в каждом из выделенных районов представил комплексную характеристику влияния природы на растительность, начиная с процесса выветривания и почвообразования через рельеф и климат и вплоть до растительного и животного мира и культурных ландшафтов, то есть по схеме, которая стала рабочей только во второй половине XX века.

Многие годы после революции Краснов находился в забвении. В статье Н.И. Дмитриева по этому поводу сказано: «Очень печально, что А.Н. Краснов при жизни не был оценен по заслугам. Но в настоящее время, отдавая должное нашему выдающемуся ученому, следует исправить эту ошибку и показать, что А.Н. Краснов занимает видное место среди русских географов». В сборнике, посвященном 150-летию Харьковского университета (1955), помещены статья и портрет Крас-

нова. Спустя 20 лет, в юбилейном сборнике 1980 г., Краснов высоко оценивается как ученый, сделавший много для развития отечественной географии, а также подчеркнуто, что «широкое развитие на Кавказе в настоящее время чаеводства, цитрусовых является практическим осуществлением идей выдающегося профессора Харьковского университета, пионера отечественного субтропического земледелия».

В 1940 году М.Г. Попов назвал в честь Краснова монотипный род растений, встречающийся на хребте Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Тянь-Шань и в горах Сынцзяна.

Именем А.Н. Краснова назван вулкан в западной части острова Сахалин.

В 1916 году директором сада стал И.В. Палибин, знаменитый палеоботаник, которому принадлежит честь сохранения молодых посадок, сделанных А.Н. Красновым, в сложный период Первой мировой войны, революции, советизации Грузии. Палибин оставил пост директора сада в 1924 году в связи с переездом в Ленинград. Его сменил Г.С. Цкитишвили.

При Сталине правительство СССР вспомнило о Батумском ботаническом саду. Сад признали главным научным учреждением по

развитию чая и цитрусов на Черноморском побережье Кавказа и выделили союзное финансирование. Сад стал не только основным учреждением по развитию растениеводства в Аджарии, но и экспериментальной станцией по внедрению новых ценных культур. Его научное значение возросло в связи с тем, что он перешел в ведение Академии наук. На некоторое время сад возглавил академик Б.Келер, а затем – А.С. Кекелидзе, проработавший директором до 1938 года. Затем, до 1950 года, его директором был Г.Г. Мхеидзе, которого сменил Д.В. Манджавидзе.

В течение всего периода советской власти коллекция Батумского сада пополнялась только за счет обменного фонда семян между ботаническими садами мира (ни одной экспедиции за границу не было).

В начале XXI века сад состоял из трех дендропарков, колхидского лесного заповедника и девяти отделов флоры: влажных субтропиков Закавказья, новозеландского, австралийского, гималайского, восточноазиатского, североамериканского, южноамериканского, мексиканского и средиземноморского.

Сегодня коллекция живых растений насчитывает свыше 5 тысяч видов, разновидностей и форм. Работают пять научных отделов: интродукции растений, цветоводства и декоративного садоводства, селекции субтропических растений, физиологии и биохимии растений, ботаники.

Сад располагает богатой библиотекой и гербарием на 48 тысячах страниц.

Начиная с 2006 года, Батумский ботанический сад стал независимым учреждением.

А.Н.КРАСНОВ

РУССКИЕ ТРОПИКИ

I

Когда мы говорим «тропические страны», мы представляем себе непременно жаркие страны, и притом страны с влажным климатом.

Такое представление о тропиках составилось с древних времен, еще с того младенческого состояния географии, когда тропические страны были почти неизвестны жителям Европы и когда эти последние, в лице греческих философов, уже знавших о том, что земля шар и что солнце под различными широтами стоит не на одинаковой высоте на небе в полдень, думали, что под тропиками, стоя в зените, оно должно палить нестерпимо. Почему пояс тропический и назывался тогда опаленным, и на его месте на изображениях земли писали «*regio inhabitabilis propter exhiam calorem*», то есть область, необитаемая вследствие чрезмерного жара. Позднейшие века

рассеяли этот предрассудок. Беспрепятственно проник человек до самого экватора и нашел, что весь громадный тропический пояс населен подобными ему людьми; мало того, когда стали наблюдаться более точным образом условия температуры различных тропических стран, оказалось, что значительная часть тропиков имеет температуры, гораздо более низкие, чем весьма многие страны, к северу и югу от тропиков лежащие, в летнее, по крайней мере, время года. Жители Батавии, например, или Сингапура, лежащих под самым почти экватором, круглый год пользуются температурой, колеблющеюся между 20 – 25°, и они удивились бы, как можно вынести 40-градусную жару харьковского лета или 50° Реомюра в песках Адам-Крылган в Русском Туркестане, странах далеко не тропических. Таким образом, выяснилось, что области наибольшей жары на земном шаре вовсе не совпадают с полосой, заключенною между тропиками Рака и Козерога, и что понятия «тропический» и «жаркий» далеко не однозначные. Потому в своей характеристике тропической природы новейшие исследователи, вроде Уоллеса, указывают в качестве характерных признаков тропического климата обилие влаги, равномерное распределение температуры во все времена года, отсутствие зимы, в нашем смысле слова. Но и такое определение не точно. Под тропиками лежат жаркие и сухие, почти бездождевые пустыни, как Сахара и Атакама: про них уже никак нельзя

сказать, что воздух там влажный. Точно так же в Кантоне, лежащем под самым тропиком, изредка выпадает снег, то есть температура воздуха падает до 0° , чего не наблюдается во многих странах, лежащих значительно севернее тропического пояса. Таким образом, все более и более выясняется, что понятие «тропики» есть понятие чисто астрономическое, не поддающееся точному метеорологическому определению, и что между тропиками заключается ряд областей, в которых не бывает зимы, сухих и влажных, с различными оттенками колебания температуры, периодов. Понятие это очень мало говорит представлению. Напротив, области беззимные, как сухие, так и влажные, суть весьма характерные географические единицы. Они характеризуются целым комплексом растительных и животных форм, целым рядом условий обстановки и образа жизни живущих в них людей, отличающих их от других частей земного шара. Кроме того, сухие и влажные беззимные области не менее резко отличаются и друг от друга.

Как те, так и другие, мы сказали, выходят из тропического пояса и развиты и севернее, и южнее его. Они незаметно переходят в области с зимами, и здесь, как и везде в природе, нельзя бывает провести резкой границы. Кантон, где раз в двадцатилетие выпадает снег и через четверть часа тает, во всем остальном еще чисто тропическая страна, влажная и жаркая. Ленкорань, бухта, которой, однако, один раз в

тот же промежуток времени покрывается льдами, уже не может быть названа тропической страной. Но где провести здесь границу, сказать трудно. Если мы влажный и равномерно жаркий климат называем чисто тропическим, то климат таких переходных беззимных областей часто называют субтропическим, и этот термин, несмотря на всю его неточность, часто употребляется в литературе. Так или иначе, беззимные

области, изобилующие осадками, то есть дождями, во все времена года, суть области, по облику своему наиболее соответствующие общераспространенным представлениям о тропиках; другими словами, это такие страны, где воздух должен быть подобным воздуху оранжереи, где растут вечнозеленые девственные леса, перевитые лианами, усеянные орхидеями и другими эпифитными растениями, где папоротники и громадные злаки зарастают все открытые места, кишат змеями и другими гадами и где полуподавленный роскошью природы этой человек не знает ни дров, ни теплой одежды, ни печей, питаясь в изобилии растущими древесными плодами.

Влажные беззимные области действительно обладают всеми этими свойствами, вместе с тем резко их отличающими от всех других. В жаркой экваториальной полосе ха-

рактерною особенностью области является вечная влажность воздуха и почвы, содействующая необыкновенно быстрому разрушению горных пород и образованию глубокой малиново- или кирпично-красного цвета почвы латерита. Эти латериты питают могучую растительность, резко отличную от нашей тем, что листва ее кожистая, глянцевиная, толстая, как у наших фикусов, разводимых в комнатах, или у брусники, или это будут, напротив, пышноперистые листья мимоз и акаций. Среди таких двудольных деревьев возвышаются деревья однодольные: пальмы, панданусы, бананы и высокие бамбуки, а местами являются древовидные папоротники, окруженные сонмом ползучих, лепящихся по стволам, растущих на земле, цепляющихся и других травянистых папоротников. Стволы деревьев увиты лианами и эпифитами. Трав и лугов, если толь-

ко они не созданы человеком, нет. Везде господствует лес, фауна приспособилась к жизни на деревьях. Животные, птицы все это существа, по преимуществу лаяющие, как попугаи, тихоходы, ленивцы, обезьяны, белки, тигровые кошки и т.п. Человек, если он дикарь, мало заботится об одежде. Культурный житель питается продуктами влажной и жаркой почвы. Рис, сахарный тростник, сорго, чай, кофе, какао, ямс, таро, диоскорея вот главные растения, которые он возделывает.

Такова жизнь в жарком тропическом поясе беззимных областей. Таким его и знает всякий знакомый, хотя с элементами всеобщей географии. Но не всем, быть может, известно, что беззимные влажные области сохраняют свой облик и все характерные им присущие черты и вне жаркого пояса. Уменьшение температуры, по-видимому, не влияет на изменение их особенностей. Чем ниже средняя годовая температура места, тем менее разнообразна, менее богата эта тропического облика природа. Приземистее ее деревья, менее пышны эпифиты и лианы, скромнее фауна. Но общие черты остаются, и вы имеете перед собою тропики в миниатюре. Такими миниатюрными тропиками являются, например, острова Южной Японии или Новая Зеландия. В Южной Японии пальма немного только превышает человеческий рост, бамбук же редко бывает толще, чем в человеческую ногу. Лианы заменяются нежными, вроде нашего плюща, ползучими по стволам деревьев

вечнозелеными растениями. Эпифиты представлены исключительно почти папоротниками, и самые леса хотя и сохраняют вечнозеленый облик тропических девственных лесов, но деревья их не имеют ни высоты, ни пышности крон тропических исполинов. Животные представлены уже малым количеством видов, и, например, из громадного разнообразия восточно-азиатских обезьян в Японии остается одна марышка. Человек на одну треть сокращает культурные растения, но все же вечнозеленые формы, как чай и болотный рис, остаются кормильцами народа.

На вершинах тропических гор или в беззимных областях крайнего юга антарктических стран, например в Южном Чили и в Магеллановом проливе, мы видим примеры крайнего вырождения этого типа природы. Здесь деревья превращаются в густые сплетения кустарников. Но все же газонов трав нет, господствуют вечнозеленые формы с крупными цветами, типом коих могут служить рододендроны и азалии. Бамбуки превращаются в стелющиеся злаки. Земледелие невозможно, но как под тропиками человек в равномерном влажном воздухе не заботится об одежде, и жители Огненной Земли в противоположность кутающемуся в меха эскимосу или самоеду ходят почти в costume прародителей по окраинам наводняющих его ледников, среди холодных туманов и пронизывающей насквозь сырости.

Таким образом, не только под

экватором, но и везде влажные, беззимные области представляют из себя мир, совершенно отличный от остального, мир с, так сказать, тропическим обликом.

Несмотря на громадное протяжение нашего отечества, обширная территория его нигде не захватывает этого типа природы. Вся Российская империя находится в царстве более или менее суровых зим. Только крошечный уголок ее, Черноморское побережье Кавказа, отчасти составляет переход к беззимным, влажным областям. Его природа есть последний отголосок субтропического мира Дальнего Востока Азии и широкого тропического пояса, как бы осколок совершенно иного царства, закинутый для контраста с остальной русской природою на нашу окраину. Находясь на рубеже с имеющими зимы областями, Черноморское побережье не везде имеет ясно выраженный субтропический характер, тем более что севернее Сухума начинает оказывать влияние и сухость воздуха северных берегов Черного моря. Поэтому у нас, в русских владениях, только бассейн низовьев Риона и Батумская область представляют полное выражение субтропических стран.

Этой последней области мы и посвятим нашу статью.

II

Батум по справедливости может быть назван русскими тропиками. Нигде у нас зимы не бывают так мягки, нигде не выпадает столь громадного количества дождя. Францу-

зы дали этой местности не совсем приличное, но вполне справедливое название Черноморского писсуара (*pissoir de la mer Noire*), и действительно, в то время как большая часть наших понтических побережий отличается ясным, безоблачным небом, здесь всегда висят облака, всегда из сумрачного неба что-нибудь каплет или льет. Правда, и батумцы знают иногда хорошие ясные деньки, когда и у них блещет солнце, и у них виднеется на горизонте далеко над морем сверкающий своими снегами Кавказский хребет с Эльбрусом, царствующим над всеми его пиками, но число таких дней по сравнению с дождливыми сравнительно не велико; они выпадают обыкновенно на зимние месяцы, и непогода за эти перерывы потом с избытком себя вознаграждает потоками воды, низвергающимися из свинцовых туч.

Как громадно количество воды, падающей в самом городе, показывает сравнение показаний дождемеров его обсерватории с Петербургской, которая, как известно, не может пожаловаться на то, что ее обидели дождями. В то время как в Петербурге в среднем за год выпадает 500 мм, в Батуме выпадает 2 тыс. мм, то есть в четыре раза более. И это количество далеко не дает понятия о максимальной величине здешних атмосферных осадков, так как наблюдения делали в городе, расположенном на низменности, на далеко вдающемся в море мысе. Здесь часто небо бывает ясно, когда на окрестных горах висят тучи, здесь часто только пасмурно, когда на со-

седних холмах уже льет проливной дождь. Не будет ошибочно, если мы допустим, что горы эти, по крайней мере, в полтора раза более дождливы, чем самый город.

Это страшное обилие влаги, с одной стороны, с другой море, лежащее с северо-запада, равно как и защита от северо-восточных холодных ветров, делают и по температуре из Батумской области совершенно своеобразный уголок. Здесь температура летом никогда не достигает тех крайних пределов жары, какие знакомы в Южной России или под теми же широтами восточнее, в Азии.

Хотя Батум расположен гораздо севернее Баку и Ленкорани, не только море здесь никогда не замерзает, но и вообще термометр редко падает ниже 4° . Если эти немногие холодные дни совпадают с атмосферными осадками, падает снег громадными хлопьями; он облепляет деревья, ломает с них целые ветви, непривычные к такой страшной тяжести, но так же скоро и тает, не оставляя по себе и следа, так что в январе и феврале здесь совершенно свободно, как у себя на родине, цветут камелии, иллексы и другие зимой цветущие растения беззимных областей, занесенные человеком.

И летом, и зимой воздух насыщен влагою. Стоит только повернуть ветру с юго-запада, небосклон подергивается тучами, и на другой день обязательно надо ждать дождя. Эти батумские дожди не похожи ни на настоящие тропические,

ни на наши. Это те дожди, что приходится испытывать на высоких горах в холодном их поясе под экватором. Это какие-то пароксизмы дождя. То вдруг, как сумасшедший, припустит он изо всех сил, поливая вас потоками холодной воды. Вместо теплого ливня тропиков здесь всегда капли дождей холодные, хотя они так же громадны и обильны по числу, как в странах экваториальных. За таким пароксизмом следует передышка, но атмосфера не может очиститься сразу от влаги. Обыкновенно продолжает моросить дождь, но не так, как моросит он в холодную петербургскую осень. Здесь эти пузырьки пара так крупны, что могут моментально вымочить не хуже любого дождя. Они тяжело сыплются, наполняя весь воздух, как будто их кто просеивает через очень крупное сито. Предательски, на короткое время, как будто проясняется атмосфера, но это только для того, чтобы выманить из убежища неопытного жителя и внезапно обдать его, как из ушата, непрерывными струями холодной воды.

Таковы батумские дожди при господствующем юго-западном ветре. Но раз или два в год этот юго-западный ветер вдруг меняет свой характер. Из влажного и дожденосного он становится жарким и сухим, как какой-нибудь африканский самум. Обыкновенно он поражает только своей сухостью, но случаются годы, как, например, прошлый, 1894 год, когда он принимает характер настоящего опустошителя.

Тогда под его губительным ды-

ханием сгорает листва не только нежных экзотических растений, но и грубых туземных пород; обожженные, со скрученную коричневою листвою, точно охваченные морозом, стоят буки и грабы, придавая всему побережью грустный вид поздней осени; грубый, заменяющий здесь газоны пастбищ папоротник также сохнет и бурееет, не говоря уже о пострадавших культурных растениях. Сильные порывы ветра с корнем вырывают громадные деревья и валят их, довершая картину опустошения. Только в защищенных от ветра долинах гор тогда природа сохраняет свой свежий зеленый вид. Но эти ветры – редкое исключение. Когда их нет, атмосфера большею частью спокойна, давая возможность наблюдать игру бризы, этого свойственного большинству горных и прибрежных стран явления. Днем веет постоянный ветерок с моря, несколько умеря томительный тропический жар дня. Вечером наступает затишье, чтобы к ночи уступить место такому же ветерку, дующему с суши и далеко в море уносящему характерный терпкий запах папоротника и болотные лихорадочные мизмы низин.

Зимую, когда море теплее охладившейся, особенно у горных вершин, суши, эта береговая, или, точнее, горная, бриза принимает хронический характер. С гор постоянно стекает холодный пронизывающий ветер. Он стекает в долины и течет по ним в море, вызывая резкие контрасты температуры на побережье, в местах, защищенных и не защи-

щенных от гор холмами. То вы едете свободно в легком пальто, греясь на солнце, то вас вдруг прохватывает ледящим ветром. Контраст, подобный тому, который испытывается у нас в степной полосе ночью, когда, идя по сухой, дышащей жаром ровной степи, вдруг спустишься в холодную и влажную балку.

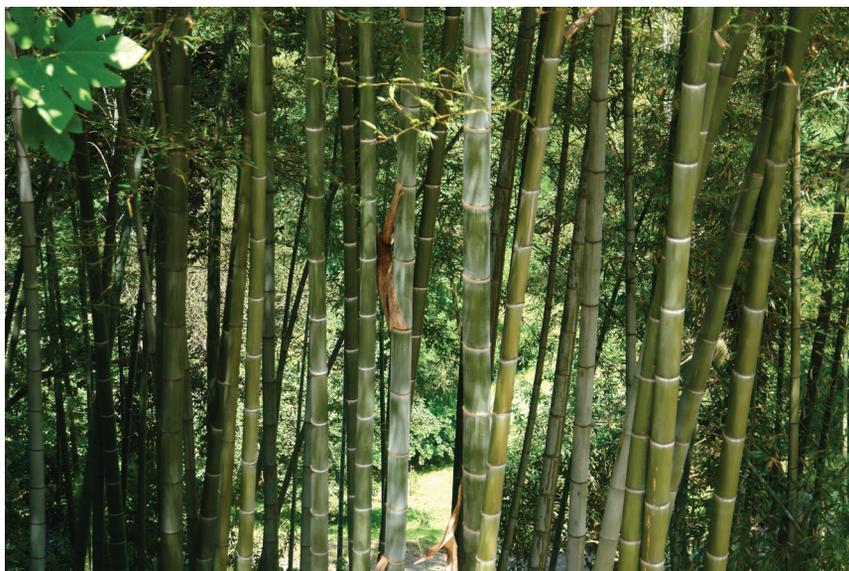
Потому-то характер рельефа побережья играет здесь громадную роль в вопросе об успехе или неуспехе культуры разных южных плодов.

Таковы климатические условия Батумского края.

III

Житель юга, переехав на север, например в Петербург, и гуляя летом по его паркам, всегда поражается необыкновенной бледностью зелени его деревьев. Мысленно сравнивая кроны дубов, лип и вязов с теми, которые украшали дубравы украинских или крымских лесов, он не видит в них той резкой темной окраски, которая им свойственна южнее Курска. Обратное впечатление производят уже издали одетые лесами склоны гор Батумского края на человека, привыкшего к таким же гористым местностям Западной Европы, вроде Зальцкаммергута, где те же самые породы деревьев, те же буковые леса одевают такие же мягкие, лишенные снежных вершин горы. Необыкновенно темный цвет зелени – характерное отличие припонтийских лесов вообще и батумских в особенности.

Буки, съедобные каштаны, глав-

ным же образом ольха покрывают склоны гор. Эти деревья, правда имеющие листву более темную, чем наше чернолесье, все же обыкновенные европейские с опадающею листвою дерева. Между тем издали любой девственный лес тропической Азии с его вечнозеленою листвою не произведет впечатления большей темноты зелени, чем батумский. Листва, вероятно, благодаря большей энергии солнечных лучей юга получает особую яркость окраски. Ольха петербургских болот здесь неузнаваема. Ее темная зелень поспорит блеском и окраской с листом фикуса. Она падает только в ноябре, чтобы появиться вновь в марте.

Стоит только ступить на батумскую почву, попасть под сени лесов края, чтобы увидеть, что находишься в мире иной, отличной от остальной

русской растительности. Эта флора кавказско-пантийского побережья действительно уголок иного мира, носящего все черты полутропической растительности. Стоит, выехав за черту города, попробовать углубиться в некультурную чащу, чтобы путь ваш сейчас же перегородила перепутавшая кусты и деревья предательская сеть из сассапарили (*Smilax*) - растения не то ползучего, не то вьющегося – типической лианы с сердцевидными пятнистыми глянцевыми кожистыми листьями и бесчисленными необыкновенно крепкими шипами. Она не даст вам сделать ни шагу, и, если вы, не имея ножа на палке или острого кинжала, попытаетесь бороться с нею, она исцарапает в кровь все ваше лицо и руки, изорвет в клочки одежду, но вряд ли позволит вам пробраться

туда, куда вам захочется. Если геройски поборете лианы Smilax, которые снизу доверху целой сеткой опутывают громадные каштаны, свешиваясь с них гирляндами и фестонами, как кружево, сплетенное исполинскими пауками, вы немедленно наткнетесь на другое препятствие – полулиану, если хотите также, в которой, даже внимательно всматриваясь, вы едва узнаете ближайшую родственницу ежевики наших южнорусских левад и волжских поемных лугов.

Здесьняя ежевика ежегодно выгоняет из земли плети от 2 до 3 сажен длиной, заканчивающиеся розоватыми цветами и довольно безвкусными фиолетовыми ягодами. Плети эти помимо сложных пятилистковых листьев усажены также очень густо крепкими, загнутыми назад колючками, из коих одни, большие, глубоко вонзаются в тело, раздирая глубокие царапины, другие, более мелкие, при попытке схватиться за ветку остаются в коже, производя весьма неприятные, болящие занозы. Эта ежевика образует здесь местами непроходимые дебри, заполняя собою всю почву.

Третье растение, с которым медленно ознакомляется посетитель Батумской области, присутствие которого он слышит еще с моря по запаху, это папоротник, ныне бич, в будущем, вероятно, благодетель Батумского края.

Это тот самый папоротник-орляк, что растет и в наших борах. Но здесь он растет густо, одна завладевая почвою, издали мяг-

кие, пушистые, зеленые газоны. Но газоны эти уже к июню превосходят человеческий рост. Как змеи, все более и более раскручивается зеленая верхушка листа этого растения, и, кажется, если б поздною осенью морозы не убивали этого папоротника, его и так уже к зиме достигшие более чем саженной длины ваи (листья – *Н. З.-Ш.*) сплетениями своими образовали бы непроходимый лес. Их войлок зелени под осень проходим немногим более, чем джунгли из лианы Smilax и ежевики.

Все, что не занято культурою и не вытравлено скотом, то или папоротниковый луг, или ежевичник. Деревья, исковерканные в прибрежной полосе турками во время последней войны и постоянно вырубаемые туземцами, редко где сплываются в лес. Полузадушенные лианами где увитые дикой виноградной лозой, здесь, по-видимому, жившей с момента ее создания и в лице своих отдаленных предков подавшей нашему праотцу Ною, материал для первой бочки вина, деревья эти раскиданы одиночно или группами. Они только довершают эту картину непролазной буйной растительности, полное подобие которой можно найти в образовавшихся на месте истребленных лесов и запущенных плантаций джунглях Явы или Цейлона.

Но отличие от джунглей этих в отсутствии разнообразия в формах. Описанными лианами исчерпываются ползучие цепкие растения, заполняющие территорию Батумского края, тогда как под тропиками их

несколько десятков принимает участие в диких сплетениях джунглей. Ботаник кое-где, правда, найдет здесь еще одну лиану, *Periploca graeca*, но она уже не играет видной роли. Здесь как характерная особенность края три вида растений заполнили всю территорию, достигли колоссальных размеров развития и выгнали, заглушили все остальное.

Действительно, трудно представить себе что-либо более жалкое, более обиженное судьбою, чем травянистая растительность джунглей Батумского края. Лишенная света и лучей солнца, и без того не особенно балующего своей улыбкою край, на бедной тощей почве, растительность эта достигает последней степени чахлости и истощенности. Обычно вы ее даже и не примечаете с первого взгляда и думаете, что ежевика и папоротник одни одевают землю. Но, всматриваясь, видите, что на почве попадаете то какой-нибудь представитель заливных лугов наших рек, подорожник *Polygonum persicaria*, то представитель лесных опушек вроде клевера и земляники. Но все это так чахло, так мелко, так выродилось, как только может выродиться трава на самой бесплодной песчаной почве северного подзола. Удивляешься, как бродящие между папоротником коровы находят в этих травках достаточно питания, чтобы дать сносное молоко.

Только болотный вьюнок (*Calistegia sepium*), высоко поднимающий гроздь дающих краску фиолетовых ягод, составляет исключение из этих пигмеев и вместе

с одним местным сложно цветным по исполинским размерам своим примыкает к царствующим формам джунглей.

Подобно всем влажным беззимным областям земного шара низины Батумского края не имеют луга, пастбища, естественных, покрытых травами пространств, но эти последние заменены здесь лесом, джунглями или дебрями папоротников. По-видимому, первоначально здесь господствовал только лес, остальные же формация растений явились только тогда, когда человек вырубил деревья, причем порубки сменились джунглями, брошенные же поля папоротником. Папоротником немедленно и теперь зарастает оставленное поле, и он долгое время здесь господствует, пока земля опять не попадает под пашню. Если же она будет брошена совершенно, она зарастет ольхою, реже грабом, но никогда почти не принимает характера того первобытного леса, какой одевают еще не тронутые культурою склоны горных долин внутренних частей страны. Чтобы получить понятие о таких лесах, последуйте, читатель, за мною в долину реки Чаквы, в ее верховья, в непроходимые дебри каштановых и буковых зарослей.

Здесь вы попадаете опять в лесную полосу, по облику своему совершенно отличную от нашей.

Характерною особенностью нашего леса является мягкая, нежная мурава, одевающая его почву. Хотя под ногами и хрустит постоянно сухая прошлогодняя листва, образуя

щая под лесною почвою настоящий войлок из полусгнивших, слежавшихся, побурелых листьев, однако от глаз она скрыта зеленью красиво цветущих лесных трав. Представление о прогулке по лесу у нас непременно связано с представлением о сборе фиалок, ландышей, лесных колокольчиков, медуницы и других подобных растений, составляющих изящный цветистый ковер под сенью орешника и молодой поросли дерев, образующих над нею густой шатер из разнообразной кленовой, дубовой, вязовой и другой листвы.

Совсем другую картину представляют здешние леса. В их состав входят весьма немногие породы. Правда, и здесь встречается несколько пород клена и дуб, и вяз, и орешник. Но не они господствуют. Обыкновенно внизу сладкий каш-

тан, выше бук покрывают горные склоны. Под их сенью развиваются, образуя местами необыкновенно густую чащу, по высоте и толщине ствола местами не уступающие первоклассным деревьям вечнозеленые породы, у нас в России нигде почти, кроме Черноморского побережья Кавказа, не растущие, составляющие характерную особенность этого края.

Свод громадной высоты буков и каштанов играет роль как бы стелюшного свода оранжереи, под защиту которого развиваются здесь эти чисто тропического облика породы. Это не та листва вечнозеленой поросли, которую встречает глаз на склонах нетронутых культурою утесов южных полуостровов Средиземного моря, мелкая, кожистая, с розовым часто отливом встретите

где-нибудь около вершины Адамова пика, на склонах яванских вулканов, в лесах самых теплых, самых защищенных частях омываемого тропическими водами острова Кюсю в Японии. Разница только та, что эти кустарники и деревья второго порядка там покрывает шатер из таких же точно, как и они, высоких вечнозеленых деревьев. Здесь же эти защищающие более мелкую поросль, подверженные сильнее, чем они, действию непогоды и различных атмосферных факторов исполины еще представлены буками и каштанами, деревьями, характеризующими самые мягкие по климату из имеющих зимы атлантическое побережье Средней Европы, Корею, Японию и океанические побережья южной части Северной Америки.

Вечнозеленые, образующие местами совершенно непроходимые дебри, породы хотя и представлены массой экземпляров, но принадлежат к весьма немногим видам.

Это самшит, *Buxus sempervirens*, - растение, по виду напоминающее мирт и достигающее иногда большой высоты. Его дерево необыкновенно твердо и известно в торговле под именем пальмового дерева, почему и самый самшит называют также кавказскою пальмою, вводя тем в заблуждение не бывавшего на Кавказе и мало знакомого с ботаникою читателя, невольно представляющего себе это растение в виде тех пальм, какие растут в оранжереях. Между тем самшит принадлежит к семейству молочайных, не состоящему даже в самом отдаленном

родстве с пальмами, и если уже на какое растение из наших более всего походит его листва, то это на листва брусники. Хищническая система лесного хозяйства на Кавказе скоро совершенно уничтожит большие деревья самшита, оставив его в виде низкорослого кустарника по берегам рек. Но здесь, в ущельях, куда не особенно легко добраться, можно еще видеть высокие старые деревья, стволы которых годились бы не только для таких мелких токарных изделий, как шашки, но и для более крупных поделок.

Другое, по росту не уступающее самшиту местное дерево лавровишня, красавица здешних лесов. Название дереву дано очень метко. Его блестящая листва, формой и величиной напоминающая нашу черемуху и сильно пахнущая горькими миндалями, блестящее и грубее листвы лавра. Цветы и плоды лавровишни напоминают черемуховые. Последние вязки и терпки, и только туземцы находят удовольствие в их вкусе.

Но царями здешнего подлеска, бесспорно, являются древовидные крупнолистные рододендроны. Их здесь два вида: один уже давно известный и воспетый кавказский рододендрон, своими розовато-фиолетовыми цветами с ранней весны заливающий леса понтийских берегов, - *Rhododendron ponticum*, другой местная форма Батумского края, *Rhododendron smirnovii*, недавно открытая, характеризуется снежно-белой пушистой подкладкой листьев и целыми пучками в конических шишках растущих ярко-розо-

вых цветов, расцветающих поздним летом.

Наконец, падуб, остролист, или илекс, вечно зеленое колючее растение атлантических побережий Европы, одевающееся красными ягодами в декабре, украшающее своими ветвями на рождество комнаты парижан вместо наших елок, образует здесь страшные дебри, делая своими колючими листьями непроходимыми целые участки леса.

Вот и все вечнозеленые древесные или кустарные породы края. Как видите, не много. Это не то заставляющее теряться бесконечное разнообразие, что в Японии или под тропиками. Но его достаточно, чтобы составить совершенно особую непривычную обстановку. Прибавьте сюда еще черничное дерево, *Vaccinium arctostaphylos*, - кавказский вид черники, достигающий человеческого роста, один вид калины, бересклета и бузину, очень редкие и встречающиеся лишь по речным долинам формы, и вы исчерпаете попадающиеся на глаза кустарные формы.

Черничное дерево славится не столько ягодами, сколько листьями. Под именем кавказского чая они сотнями пудов вывозятся в Россию, и вряд ли найдется более пяти чае-торговцев, которые не подмешивали бы в хорошие сорта своего чая этого продукта. В лесах оно очень обильно. Все эти породы, однако, настолько высоки, что, если не считать горных вершин, где они образуют низкорослые сплетения, они не закрывают почвы. Эта последняя, по-

крытая бурными буковыми листьями, остается голою. Опять сходство с тропиками и отличие от наших условий. Цветов в батумских лесах нет. Может быть, зимою выглянут кое-где цикламены, да на опушке расцветет летом чудная белая лилия, но внутри, под древесною сенью, все голо и мертво, торчат только также вечнозеленые и вместе с тем черно-зеленые *Ruscus*, одни кое-где скрывающая нивы своими колючими ветвями, никогда не покрывающимися заметными для глаз цветами. Леса Батумской области лишены поэзии наших лесов. В них нет цветов, и в них не слышно пения птиц совсем, как в лесах теплого пояса Японии, и, как там по стволам деревьев ползет вечнозеленая зелень лиан, здесь единственная соответствующая ей форма, плющ, иногда снизу доверху обвивает деревья, удушая своей зеленью их кроны, доводя их нередко до смерти. Тогда влажный мох одевает эти умирающие стволы, и, как эпифиты тропиков, около десятка видов папоротников поселяется на стволе, скрывая свою нежную перистою листвою отживающее растение.

Около вершин гор, здесь обыкновенно крутых и труднодоступных, из высоких деревьев остается один бук. Он достигает исполинских размеров. Его серые прямые, точно из свинца отлитые стволы не обхватят и двое человек. Чтобы поддержать страшный вес кроны, они дают от ствола доскообразные отростки, как стволы тропических деревьев.

Этот пояс бука излюбленное ме-

сто облаков и туч. Нигде, кажется, эти скопления пара не достигают такой густоты, как здесь. Налетая на лес, они способны ясный день превратить в ночь. Не видно в тумане за несколько шагов, и так тем но, как в поздние сумерки. В этом полумраке, напоминающем полумрак тропического леса, особенно благоденствуют вечнозеленые формы, и, несмотря на обилие света, зимою они здесь развиты не хуже, чем в низине.

Редко когда заглядывает сюда солнце. Но зато в ясные дни именно этот верхний буковый пояс очарователен. Сквозь нежную зелень свода из отороченных нежным пушком буковых листьев льется нежный свет в заросшие темными, усаженными цветами, рододендронами дебри. Как легкая дымка, изредка затуманит ее налетевшее облачко. Тут, и только тут, слышится веселое щебетание птички. Только земля остается голою, не желая дополнить иллюзию ранней весны.

Вершины гор здесь не имеют пастбищ или альпийских лугов. Одни, вечно закутанные в туманы, не просыхают от дождя, как, например, одна из окружающих Чакву гор, Тезела, и даже получили у туземцев эпитет «плачущих». Они заросли теми же рододендронами и вечнозелеными кустарниками, образующими непроходимые дебри. Другие покрылись кавказской азалией и черникой, кавказской березой и низкорослой ивой и рябиной. Бродящий между ними скот находит под сплетениями кустарника кое-

какие травки, клевер, немногие губоцветные, но все же это не наши пастбища, и только батумский скот, не знающий лучшего корма, может отъедаться на такой флоре.

Травянистая растительность является лишь по самым берегам рек. Громадные листья белокопытника, исполинские сложноцветные выгоняют здесь стебли и стержни выше человеческого роста. Потому как в лесу, так и здесь путник, подобно жителю тропической дикой страны, должен шествовать, имея нож или, как туземцы, сечку, прикрепленную к палке, и ею порубать и просекать себе путь в бешеной, охватывающей его со всех сторон растительности. Такова внешность флоры прибрежных гор Батумского края.

IV

Я не буду описывать столь же подробно фауну Батумского края. Пришлось бы перечислять длинные списки животных Закавказского края, интересных разве для охотника. Как и в тропических странах, леса безмолвны, и вы не увидите фауны, если не будете искать ее нарочно. Правда, всюду наставленные трещотки, имеющие целью пугать медведей, особенно лакомых до меда кавказских нежалящих пчел, свидетельствуют, что здесь незваный гость этот не редкость. Но видеть его все же приходится не часто. В особых бортиях, круглых, устраиваемых из выдолбленных обрубок и привязываемых к деревьям ульях, в лесах держат здесь пчел, и вот по соседству с такими первобытными

пчельниками и можно встретить батумского мишку. Реже найдете вы диких коз да белок. Менее приятную встречу представят кишашие в густой траве долин длинные черные ядовитые змеи и исполинские жабы с крупного цыпленка величиною, появляющиеся вечером после дождя. Гораздо более напоминают тропики здешние насекомые. Как там, не успеет зайти солнце, начинается неумолкаемое стрекотание цикад, а лишь стемнеет окончательно, из всех кустов и дебрей вылетают миллионы светляков. Крутясь и порхая вокруг деревьев, эти тучи из движущихся светлых точек живо воспроизводят вам те ночные сцены, которыми любитесь путешественник по Цейлону.

Но, минуя эти детали, перейдем прямо к человеку.

Батумский край политически есть кусочек Малоазиатской Турции, отошедшей к России после последней войны. Потому естествен но, что многие считают и население его за турок. Между тем нет ничего ошибочнее этого мнения. В местных жителей нет большею частью ни капли турецкой крови, да и по-турецки они говорят немногим лучше, чем наши немецкие колонисты. Я разумею здесь, конечно, только население побережья. Там, в глубине страны, в Артвинском округе или в Аджарии, вы найдете иное население и иную природу. Но здесь написанное относится к прибрежной полосе, к землям, лежащим между Черным морем и тем береговым хребтом, с которого берут начало реки, не-

посредственно в это море впадающие. Точно так же только о населении этой полосы будет говориться на следующих страницах.

Это туземное магометанское население имеет с турками общую только религию, да и то, как увидим, с грехом пополам. По крови же это большею частью представители картвельского племени, говоря иначе, грузины, хотя за образец, за тип картвелов население здешнее вряд ли можно признать.

Как все побережья морей, так и здешнее, начиная со времени похода аргонавтов, искавших в устьях Риона то золотое руно, которое еще с меньшим успехом ищут здесь русские завоеватели, начиная с этой отдаленной эпохи и до наших дней, береговая полоса эта принимала на себя слишком разнообразный разношерстный люд. И он не остался без влияния на кровь населения. В бассейне реки Чаквы я встречал семьи, поразительно по типу похожие на самых белокурых французов, из Нормандии, или немцев северо-западного побережья Европы, рядом я видел людей, хотя с черными волосами, но с про долговатым овалом лица, с вытянутым черепом, далеких от той круглоголовости, которая ставит калмыков и грузин на самый дальний край брахицефалических народностей.

Самое телосложение здешних туземцев гораздо легче, грациознее, что, может быть, впрочем, много зависит от костюма и образа жизни.

Все здешние грузины носят короткие, как фраки, куртки, наде-

ваемые на рубаху и позволяющие запахиваться их бортами, как халатами, и длинные панталоны, идущие до пяток и здесь привязываемые веревками к ноге и башмакам. Костюм опоясывается поясом, за ко-

ным с головы до ног. Толпа, собравшаяся на богомолье в пятницу около мечети в селе Хала, произвела на меня впечатление контрабандистов, собравшихся на набег, из какой-нибудь оперы. Так, с одной стороны,

торым торчит нож и обязательно револьвер. Что для горца главного Кавказа кинжал, то для здешнего жителя револьвер. Минюя Кобулети, вы переноситесь по железной дороге из страны кинжалов в страну револьверов, и это становится сейчас же видно на дебаркадерах железнодорожных станций.

Но кроме револьвера каждый туземец непременно носит еще ружье, по большей части берданку, и, таким образом, является вооружен-

эффектны были их красивые, из черного и коричневого сукна, украшенные патронташами, как у черкесов, костюмы, и так, с другой стороны, непривычно для глаза было видеть такую массу вооруженных людей не в военной форме. Большая часть туземцев образует, впрочем, местную милицию. Они охраняют, между прочим, при прохождении поезда и железнодорожные станции, придавая стране вид находящейся на военном положении.

Турки за время своего владычества заставили местных жителей хорошо или дурно, но все-таки изъясняться по-турецки. Мы, несмотря на то, что владеем краем весьма немалую толику времени, не сделали в этом направлении ничего. Здесь, как и вообще в Западном Закавказье, положение русского языка самое отчаянное. Туземцев не учат, да и сами они, по-видимому, не учатся по-русски, пользуясь тем, что туземная администрация, состоя преимущественно из туземцев, говорит с ними по-грузински.

Даже старосты и старшины селений не имеют представления о русском языке, и с ними надо говорить через переводчика. В Японии легче найти знающего русский язык человека, чем здесь, раз вы выйдете из окрестностей Батума и узкой береговой полосы моря.

Таким образом, начинавшие отучаться грузины теперь вновь сделались грузинами. Хотя их имена, вроде Ахмед, Мемед, Али, Мустафа, очень часто турецкие, но фамилии, вроде Конселидзе, Абашидзе и т.п., ясно показывают, что только религия сделала их турками. Вряд ли где можно видеть лучший пример того, как ошибочно считать человека одной веры и одного подданства за человека единокровного, единоплеменного. Между собою батумцы говорят на испорченном грузинском языке, легко понимают грузин и во всей обстановке, образе жизни и обычаях кроме обрядов, налагаемых религией, напоминают грузинских крестьян. Многие из них ведут

свое происхождение от грузинских дворян, эмигрировавших за границу и предпочевших разбойничий промысел в Турции притеснениям на родине.

Их постройки и времяпрепровождение показывают, что издавна земледелие было для них только подспорьем, но не главным источником дохода. Жалкое в Мингрелии и Имеретии, оно достигает последней степени своей здесь. Тем не менее, и здесь оно в самом корне своем носит черты земледелия субтропического, где культура дерева идет параллельно с культурой хлебов, где селение должно тонуть среди полезных деревьев и где злаками, питающими человека, являются злаки влажных теплых почв рис, сорго и кукуруза. Но культура эта, доведенная на Дальнем Востоке Азии и в Америке до такой высокой степени совершенства, в каком ужасном состоянии находится она здесь! некогда рис здесь был главным кормильцем человека. Для него запруживали низины по берегам рек и сеяли его здесь в значительном количестве, страшно усиливая, и без того кишачие по всей береговой полосе лихорадочные миазмы. Теперешние окрестности Батума, ставшие почти совершенно здоровою местностью, не могут дать и слабого представления о том, чем была местность до времени запрещения со стороны русского правительства культуры риса. Тогда были места, где стоило пройти один раз вечернею порою, чтобы на другой день слечь в постель. Лихорадкою хворали не толь-

ко люди, но и животные, и птицы, куры, индюки. Г.Криштофович, которому Батум обязан введением рационального молочного хозяйства, только тем и спас от гибели коров своих, что закатывал им ежедневно ветеринарные дозы хинина. Теперь рис сеется только так называемый суходольный, то есть такой, который можно разводить как наши обыкновенные хлебные растения, сея прямо вразброс на полях. В священный ужас пришел бы житель Дальнего Востока, если б увидел он, как здесь обращаются с его кормильцем, который даже у нас, в Ленкоранском округе, привык к холе и тщательно-му уходу, к рассадке пучками и нежному илу заболоченной почвы.

Не то здесь: жалкими всходами чахлого бледного злака покрыта почва. Так всходит рожь на неурожайной засушливой почве. Растение слабо. Виден резкий контраст в развитии экземпляров, выросших на поле и случайно попавших в соседнюю канаву. На плохо удобренном сухом поле, конечно, рис не дает и десятой доли азиатских урожаев. Он чахнет, пока сильные ливни не оросят жаждущих всходов. Они временно оживают в периоды дождя, опять чахнут, когда они прерываются, и таким образом кое-как дотягивают до урожая. Но все же обилие края влагою столь велико, что даже варварская культура суходольного риса является выгодною для туземцев.

Другое растение, являющееся истинным и, можно сказать, единственным кормильцем жителя ба-

тумского побережья, это кукуруза, исполинская, в полтора раза превосходящая человеческий рост кукуруза. Ради нее только раскорчевывается лес, с величайшими трудами расчищается колючка и папоротник, глубоко вспахивается первобытным плугом вязкая латеритообразная глина. Здешний плуг, как и все, впрочем, туземные плуги субтропических областей, орудие крайне первобытное. На оглоблевидный, служащий дышлом кусок дерева, к его короткой, плоской, загнутой части прикрепляется кусок более твердого дерева, на конец которого насаживается железный наконечник. В этот кусок под прямым углом к дышлу и направлению наконечника вбивается стержень, служащий для пахаря рукояткою, и основное орудие батумского земледелия готово. Это тип плуга, который с незначительными изменениями вы найдете у крестьян Испании, у осетин, у сартов. Туркестана и у жителей Дальнего Востока, равно как, вероятно, и у многих других народов, живущих в промежутках между вышеназванными, которых лично мне наблюдать не приходилось. Кукуруза садится довольно редко вразброс, реже рядами с расстоянием более фута между каждым стеблем. Земля между подрастающими растениями постоянно разрыхляется особого рода топориками или плоскими и короткими мотыгами, насаживаемыми на длинные рукоятки. Подобного же рода, но еще более плоскими мотыгами окучивают более высокие стволы, и, когда созреют плоды, что бы-

вают поздней осенью, коротким серпиком или сечкою, также на длинной рукоятке, их срезавают.

Вот и все земледельческие орудия и манипуляции батумского крестьянина.

Между стволами маиса иногда садятся турецкие бобы, то есть фасоль, которая не мешает развиваться злаку и дает хорошие урожаи. Впрочем, и те и другие значительно уступают имеретинским и мингрельским, свидетельствуя о сильной выщелоченности здешней почвы.

Собранные початки кукурузы обыкновенно идут на приготовление кукурузной муки и печение кукурузного хлеба.

Перемалывание крупных и твердых кукурузных зерен совершается на маленьких мельничках совершенно особенного устройства. Представьте себе маленький чуланчик, сколоченный из досок или плетенный из ивовых прутьев, в котором едва уместится 1, много 2 человека.

Такой чулан строится над горным ручьем, который здесь, как и везде на Кавказе, обладает необыкновенною быстротою и силою течения. Вот эту-то силою горизонтального течения воды, а не ее вертикального падения, как в наших водяных мельницах, туземцы и пользуются, чтобы, или установив непосредственно в потоке, или проведя по желобу воду, утвердить вращающееся горизонтально, приводимое водою в движение лопастное колесо, вращающееся под влиянием силы по току необыкновенно быстро. К стержню такого колеса прикреплен жернов, над которым утвержден другой, с полостью, в которую из укрепленного сверху ящика сыплются зерна.

Такая дешевая мельница работает быстро и всегда доставляет владельцу в потребном количестве кукурузную муку.

Из муки этой печется хлеб, который и составляет главную пищу здешних грузин. Этот хлеб, издали

похожий на бисквит, с мягкой коричневатой корочкой, по вкусу кажется похожим на толченый горох и для непривычного желудка совершенно неудобоварим и несъедобен. Надо иметь большой навык, чтобы привыкнуть к кукурузному хлебу, между тем, раз вы отдалитесь в сторону от города или с железнодорожной станции, вы уже нигде ни за какие деньги не достанете пшеничного хлеба.

Подспорьем в хозяйстве являются также разнообразные фрукты и плоды. И с этой стороны селения Батумского края напоминают тропическую область. Как там, так и здесь скорее не сад, а роща из полезных человеку дерев окружает его жилище. Первое место между ними, без сомнения, занимают туземные формы: грецкий, или, как его зовут на юге, волошский, орех, затем черешня и виноград. Грецкие орехи достигают здесь значительной толщины, образуют прекрасные высокие, прямые стволы и чудные, густые, раскидистые кроны. Таких прекрасных экземпляров я не видел и в Швейцарии, где культура их доведена до большого совершенства. Орехи употребляются в самых различных видах, не исключая и имеретинской цацабели, или подливки из вареной курице, туземному национальному блюду. Каштанов, которые, как и во Франции, осенью истребляются в несметном количестве, не разводят. Их растет и без того достаточно в лесах. Но тем охотнее сажают у жилья белую черешню, также достигающую здесь размеров исполинских

деревьев и в конце июня покрывающуюся тысячами зрелых вкусных ягод. Такая черешня нередко стоит увитая лозой с ногу толщины, многочисленные стволы которой напоминают деревенеющих стволов лиан, как толстые канаты, поднимаются с земли на десятки сажен до кроны, чтобы оттуда сбрасываться гирляндами нежной зелени с сотнями гроздий спеющего винограда.

Кроме этих неизменных спутников деревень, под сень которых вступаешь, раз только начинается жилье, около домов вы встретите нередко инжир или настоящую библейскую смоковницу, достигающую здесь роста громадного дерева со стволами более чем в обхват и с раскидистой кроною своих пальчатых шершавых листьев. Она придает местности чисто тропический колорит. Винные ягоды, или смоквы, приносимые деревом, несколько водянисты, точно так же как и ягоды не менее часто встречающейся дикой сливы, или алычи.

Но красую туземных садов-рощ, бесспорно, могут быть названы гранатовые деревья, *Punica granatum*, с весны до осени залитые пурпурными цветами. По размерам своим виденные мною экземпляры ничуть не уступают тем, под сенью которых я отдыхал на Яве, у подножия Геде, на станции Синаглайя.

Вот среди этой зелени и уютятся домики местных крестьян. Здешние селения или деревни не соответствуют нашему представлению о деревнях. Здесь домик не лепится к домику. Это скорее собрание от-

дельных ферм, отдельных хуторов, раскиданных обыкновенно настолько далеко один от другого, что сосед большую часть не видит закутанного в зелени дерев соседа. Чаще всего каждый домовладелец избирает местом своего жительства самостоятельную вершину холмика и здесь ставит свой дом, обязательно деревянный, обширный, как дом великоросса-северянина, выстроенный из каштана, единственной породы, не подвергающейся в этом чрезмерно влажном климате ментальному гниению. Дома строятся не из бревен, как на севере, но из досок. Их пол никогда не соприкасается с землей. Он отделен подвалами, спереди представляющими навес и лишь одной стеной прикасающимися к склону холма. Воздух свободно гуляет под полом дома, предохраняя его от почвенной сырости. Жилая часть комнаты помещается, таким образом, как бы на втором этаже, значительную часть которого, как в тропических и японских домах, занимает балкон с навесом, защищающим его от дождя, где большую часть дня и проводят и семья, и гости. Дом кроется черепицей и длинным коридором делится на две половины женскую, недоступную для посетителя-мужчины, и кухню и парадную, так называемую кунацкую, комнату с камином, небольшими нарами, устланными коврами, где могут, по-турецки поджав ноги, рассесться посетители и где им же стелется и постель.

Около дома помещается несколько построек, имеющих целью

заменить наши хлева, сараи и амбары. Все это по большей части постройки на сваях. Пол построек этих отделен от земли, и в них надо подниматься по лестнице. Постройка, где хранится кукуруза, воздвигнута не только на сваях, но ее пол отделен от свай, на которых она утверждена, плоскими камнями, препятствующими мышам взбираться наверх и опустошать амбары.

Скота содержится немного, так как служащие ему пастбищем дебри папоротника и горные вершины не особенно обильны кормом. Тем не менее, несколько коров вы найдете почти обязательно у каждого домовладельца. Для них не косят сена, так как сена нет, но их кормом служат стебли кукурузы, запасы которой в виде громадных, веретенообразных копен, укрепленных на шестах, располагаются неподалеку от жилья.

В центре селения устраивается мечеть. И здесь в архитектуре видны черты вкуса картвела, а не турка. Нет высоких минаретов, нет того свойственного открытым, с ясною атмосферой странам стремления украсить божий дом куполом или сводом, возвышающимся над местностью. Здешняя мечеть такой же дом, как и другие, двухэтажный, с широкими балконами и еще более широко выступающей черепитчатой кровлей, защищающей его от всегоящего дождя.

Стремление защитить свою постройку от падающей сверху воды характеризует здесь каждую постройку человека черта, общая с влажными тропиками. Неудивитель-

но поэтому, что мечети здесь сходны с малайскими, а крытые кровлею мосты, перекинутые через речки, до того похожи на такие же сооружения на Яве, что наш снимок мостика на Чакве мог бы смело послу жить иллюстрацией) к какому-нибудь описанию подобных сооружений на Зондских островах.

Я не знаю, в какой степени регулярно в свои мечети собирающийся люд просвещается здесь своими муллами. Могу сказать, что по внешности они довольно хорошо блюдут свои законы. Башлык, украшающий обычным способом голову осетина, здесь закручивается наподобие чалмы. Женщина невидима для чужого мужчины под своим покрывалом. Она стыдливо поворачивается спиной к прохожему, застающему ее в поле за работой. Мужчины старательно совершают по вечерам перед трапезой омовение ног в медных тазях. Последнее здесь, впрочем, необходимо. Ноги страшно преют при их обуви в здешнем жарком и влажном климате, и даже раз в сутки совершаемое омовение их не всегда достаточно, чтобы избавиться от крайне неприятного прелого запаха, делающего и самый процесс омовения ног собравшихся в кунацкой гостей делом далеко не эстетичным.

Намазы соблюдаются точно, и вечерняя пища, обыкновенно состоящая из кислого молока, вареных бобов, реже, как лакомства, различного рода лапши, варенной с сахаром, с молоком или куриным бульоном, вот все, чем иногда под-

крепляют себя правоверные, садясь кругом перед большими плоскими металлическими блюдами, ставящими на низенькие табуретки, позволяющие обедать на корточках, пользуясь не столько ножами и вилками, сколько своею пятернею.

Таково внешнее впечатление, оставляемое на проезжающего здешним человеком.

V

Чудная растительность Батумского края, его влажный и мягкий, хотя лихорадочный, но зато в зимнее время неоцененный для страдающих грудными болезнями климат давно обратили на себя внимание многих из российских подданных. Искусственное положение, в которое был поставлен край, не позволяло долгое время обычным порядком приобретать здесь земли. Это же военное положение, вероятно, было и причиною того, что здесь не основывалось и русских поселений, если не считать одного устроенного около Кобулет, по-видимому, со специальной целью оправдать выгодную для многих басню о непригодности русского крестьянства для заселения Кавказа. Впоследствии я буду иметь случай коснуться этого поселения.

Но все эти меры не остановили тех, которых манил к себе этот новый край со своею — южною, совершенно отличною от других частей России природою.

В мою задачу не входит здесь описание истории различных законных и незаконных захватов, легальных и нелегальных куплей, продаж

и пере продаж земельных участков, в которых одни наживались, другие прогорали, третьи делались невинными жертвами алчной спекуляции, попавшимися как кур в ошип, в смутное время батумских земельных недоразумений.

Скажу, однако, что в настоящее время вся черноморская береговая полоса к северу от Батума уже заселена самым различным людом, владеющим землею на самых различных основаниях, большей частью купившим ее из четвертых и пятых рук.

Здесь, как и везде в России в подобных случаях, много, очень даже много немцев, есть поляки, остались кое-кто из туземцев, есть и настоящие русские. Инженеры, педагоги, просто помещики, спекулянты, купцы все имеют здесь свои участки, и, что замечательно, до самого последнего времени все были очень не прочь ее продать, частью вследствие неустановленных точно прав на эту землю, частью и главным образом разочаровавшись в ней.

Страна, где, как говорится, стоит посадить оглоблю, и вырастет лес, страна, как мы видели, с природою чуть не тропическою и во всяком случае самую южную, какую только можно иметь в России, влекла и прельщала многих. Одни думали на старости лет заняться здесь садоводством, вырастить сады, тенью которых, если их разводить у нас, им не позволил бы воспользоваться возраст. Другие думали, что здесь чуть не задаром удастся им развести себе виллы с кипа рисами и

пальмами, подобные тем, какими они восхищались на Ривьере, и наслаждаться здесь декабрьским летом.

Третьи думали извлечь какие-нибудь выгоды, культивируя участки, столь близкие к порто-франко и железной дороге, обещавшей этому порто-франко разрастись в закавказскую Одессу. Были здесь и толстовцы, думавшие трудами рук своих кормить себя в крае, где природа обещала вознаграждать их за труд настолько щедро, чтобы оставалось время и для культурных занятий образованного человека XIX века. Но большинство спекулировало, и это были, конечно, те, которые остались при своем интересе. Оно понятно. Чтобы извлекать пользу от нового края, нужно было знать его природу, понимать ее. Все же эти колонисты знали лишь одно, что это юг, что это русская Ривьера, русская Ницца, что это край, где апельсины зреют, и что здесь апельсины действительно зреют, это они могли видеть в садах туземцев окрестностей Батума, где уцелевшие после турецкого погрома апельсиновые деревья позволяли собирать с одного дерева до 1 тыс. плодов.

От туземцев учиться было нечему. Мы видели, какие это земледельцы. Кукуруза мало интересовала новых пионеров. Напротив, большинство из них сразу решило, что туземцы невежды, что в земледелии они ничего не смыслят, что надо начинать все по-новому, но как это по-новому, они не уяснили себе достаточно хорошо. Виллы и

фруктовый сад были их мечтою. Но фрукты, сладкие во Франции, переждались здесь в водянистые. Яблони покрывались тлей, вызвавшей истощение ее соками, и в конце концов русские тропики, как того и следовало ожидать, оказались гораздо менее пригодными для садоводства, чем отечественные степные губернии.

Не лучше стало дело и с виллами.

Мне рассказывали как пример непригодности русского мужика для колонизации случай с одним поселком в Кутаисской губернии.

Один из администраторов выписал крестьян для поселения в вверенном ему крае, выбрал для поселка прекрасную землю и, переселив и обстроив крестьян, ожидал цветущей русской колонии. Мужики, облагодетельствованные администрацией, рьяно принялись за обработку земли. Добросовестно распахали они, сколько возможно глубоко пашню и посеяли пшеницу. Но сколько ни прилагали они старания, земля, родившая перед тем у туземцев прекрасные урожаи, не дала им ничего.

Крестьяне призадумались. Но, поощренные свыше, они вновь еще старательнее и глубже перепахали свои поля и вновь на следующий год засеяли их, но получили столь же плачевный результат. Сколько ни бились они над проклятой землею, она отказалась наотрез кормить чужих пришельцев, и обнищавшие крестьяне разбрелись куда глаза глядят, земля же та и доныне, кажет-

ся, как никуда не годная заброшена и заросла папоротником.

Кто тут виноват? Крестьяне? Нет. Они сделали все, что могли. Но не могли они знать, что субтропическая почва Мингрелии относится к пахоте совершенно иначе, чем чернозем их родины, и что глубокая запашка здесь гибель для земледелия.

Раз только плуг пройдет глубже рыхлого разбитого корнями и обогащенного перегноем слоя, он вонзается в необыкновенно вязкую глину, водоупорную, затрудняющую дыхание корней. Она губит всякий посев.

Ту же ошибку повторили и многие из батумских пионеров. Считая за недостаток первобытной культуры практикуемое туземцами ковыряние плугом земли на небольшую глубину, они старались все сады свои первым делом перепахать возможно глубже. Но здесь они под торфянистым слоем почвы, пронизанной корнями папоротника, встретили такую же красную глину. Эта глина, в научном отношении крайне инте-

ресная, в практическом сослужила им весьма плохую службу. Дело в том, что горы Батумского края, то есть те, которые обрамляют побережье Черного моря, образованы изверженными породами. Породы эти под влиянием теплого и влажного климата подвергаются быстрому разложению и превращаются в ярко-красную глину, по составу и свойствам весьма напоминающую свойственный большинству тропических стран краснозем или латерит.

Кто хочет видеть, как гниют камни, тот дол жен ехать в Батумский край.

Быстрое изменение андезитов и других твердых, идущих на мощные улиц пород здесь поразительно. В естественных разрезах вы видите все постепенные и незаметные переходы от твердой черной породы, постепенно сереющей, желтеющей, ближе к поверхности переходящей в какую-то желтоватую кашицу, легко мажущуюся ножом. Далее эта каша превращается в ярко-красную глину, и уже эта глина, пронизанная у поверхности корнями, дает почву не более аршина мощности.

Особенно интересны породы, состоящие из больших шарообразных образований, включенных в легче разрушающуюся массу. Часто масса превращается в латерит, который затем размывается и уносится водою, ядра же в виде громадных валунов остаются у поверхности или, выветриваясь в почве, придают естественным разрезам виды разноцветных рисунков из почв различной вязкости.

Вот результатом окончательного разложения этих пород и является батумская подпочвенная глина, вязкая, водоупорная. Перекопав на большую глубину нивы своих дач, веками подготовленные папоротником для восприятия корней деревьев, пионеры совершенно изменили естественные условия дыхания корней, и, прежде чем выросли их новые насаждения, все старые деревья садов их: лавровишни, каштаны, грабы и буки засохли, придав дачам унылый, весьма непривлекательный вид.

Надобно было созидать новую поросль, и, конечно, уже поросль по возможности тропическую. Но и здесь пионерам приходилось или идти ощупью, или, пересаживая слепо западноевропейские приемы и формы, быть строго наказанными.

Русская Ницца оказалась весьма мало похожею на Ниццу французскую с ее ясным небом и сухим воздухом. Ни финиковая пальма, ни маслина, ни опунции, ни пинии не принялись на сырой и мозглой батумской почве, и даже крымские пирамидальные кипарисы, слишком сильно гнавшие вверх свои кроны, кончали тем, что весьма неизящно выгибали их по направлению господствующего ветра, придавая ландшафту вместо поэзии растительных минаретов вид чего-то обиженного природою. пышные магнолии развивались первые годы успешно, но как только их крона достигала известной степени пышности, зимние снегопады хуже любого урагана обламывали одетые громадными

вечнозелеными листьями ветки, и дерево являлось обезображенным на десятки лет, навсегда лишалось той столь очаровательной в крымских магнолиях правильности форм. То же самое повторялось с араукариями и различными нежными хвойными средиземноморских стран, в то время как мирт, арбутусы и тому подобные формы тянулись и принимали малоизящные формы, заставлявшие предпочитать им туземные самшит и лавро-вишню.

Словом, Батумский край оказался вполне несостоятельным, чтобы создать в понтических берегах природу средиземноморских курортов, и дачники-пионеры, перетратив изрядные суммы денег, многие даже ухлопав все свои капиталы, вместо изящных садов получили перед постройками своими весьма неизящно разбитые плантации обезображенных разными невзгодами южных пород деревьев вроде изломанных снегом магнолий, обмерзающих чахлых эвкалиптов, изогнувшихся в одну сторону, как крысиные хвосты, горизонтальных кипарисов и других уродцев и жалких пародий на флору тропических стран, безобразие которых уже весьма плохо могли скрыть здесь гораздо лучше разрастающиеся гранаты, туземные лавровишни, рододендроны и излюбленные деревья батумцев: кавказская акация (*Albizzia julibrissin*) и катальпа с ее уродливыми ветвями и громадными листьями. *Paulownia* здесь почему-то предпочитают пре красно принимающимся на здешней почве чина рам и тюльпанным дере-

вьям, которые могли бы найти здесь второе отечество. Видя печальную картину дорогостоящих начинаний и как дорого стоили они, читатель может судить по тому уже, что расчистка десятины земли от папоротника и колочки здесь стоит 1 тыс. рублей, да ее нужно постоянно поддерживать, чтобы она не заросла вновь; деревья же экзотических стран приходилось покупать почти по цене комнатных растений, кавказские дачники, перехворав лихорадкой, бросали свои начинания, сбывая их с потерями, нередко за полцены, восхитившемуся батумской природой новичку. А между тем немного наблюдательности и знания географии, и пионеры легко могли бы увидеть, что все неудачи их происходили оттого, что они насильствовали природу, стремясь разводить растения совершенно другого климатического режима, забывая, что Батум есть уголок не сухих, но влажных субтропических, безимных областей, типом коих служит не Неаполь и Ницца, но Япония, Южная Чили, Новая Зеландия и тому подобные страны. Лучшим доказательством справедливости этой мысли является прекрасный сад г.Стоянова, одного из старейших батумских пионеров, вложившего в него немало труда и денег, но, несомненно, создавшего то, чего не создавал никто из батумцев. Гуляя по этому саду, можно судить о том, что может произвести Батумский край.

Поразительно становится видеть, как прекрасно развиваются здесь японские формы, равно как и те фор-

мы, которые хорошо растут в Японии. В несколько раз превышающие человеческий рост заросли из камелий покрываются здесь, несмотря на морозы, цветами. Кусты *Gardenia jasminoides*, громадные хвойные Японии, японские кипарисы и криптомерии, *Melia azederach*, японская веерная пальма *Trachycarpus excelsa*, питтоспорумы и целый ряд других растений ни по виду, ни по развитию ничем решительно не отличаются по облику от растений того же возраста, виденных мною на их родине. Столь же успешно развиваются многие из восточно-австралийских акаций, новозеландский лен, *Phormium tenax*, и тому подобные растения, глядя на которые убеждаешься, что, если бы батумцы вместо того, чтобы подражать итальянским виллам, взяли себе за образец японские сады или коттеджи английских поселенцев, они вместо разочарования получили бы массу эстетического наслаждения, отдыхая под сенью камфарных деревьев, в вечно-зеленых рощах японских мандаринов или среди седой зелени акаций, вдыхая их бальзамический запах со смолистым ароматом криптомерий и кипарисов Дальнего Востока, пили бы чай на балконах, залитых цветами глициний и других китайских и японских вьющихся растений.

Эта не пышно развивающаяся флора давно должна бы была обратить внимание на полезные культурные формы Дальнего Востока, из коих только рис известен аборигенам Батумского края. Чай, рами, диоскорея, каладиум, бананы, бам-

бук, мандарины, лаковое и восковое деревья вот столпы японского сельского хозяйства, развивающиеся под сенью деревьев, столь скоро нашедших себе второе отечество в саду Стоянова. Вот что должно составить источник богатства и славы батумского земледельца, и странно, что никому не приходило в голову здесь попытаться возделывать эти растения (если не считать нескольких чисто любительских попыток выращивать их в саду как декоративные деревья).

Толчок этого рода попыткам субтропических культур дал только теперь известный капиталист и чайный торговец, представитель фирмы московской К. и С. Поповых.

После немалых денег стоившего ему путешествия на Дальний Восток, откуда он выписал стоивших также немалых денег китайцев и чайные кусты, он после долгих тяжб и аграрных недоразумений, неизбежных в этом крае, приобрел стоившую ему также очень и очень немалых денег землю и с большими затратами превратил ее в чайную плантацию, разбитую, как говорят, по всем правилам китайского искусства.

Но пока затрачивает свои тысячи Попов, думая потом сразу удивить торговый мир России, другой предприниматель из старых пионеров, некто А.И. Соловцов, произвел, бесспорно, блестяще удавшийся опыт чайной культуры и выделки продукта, затратив сравнительно грошовые средства.

У берега моря, на одном из самых неблагоприятных мест, были им

высажены несколько привезенных из Ханькоу кем-то из его приятелей лет восемь назад чайных кустиков. Растения, как известно, не отличающиеся красотой, посаженные курыеза ради, росли в загоне, но, как все растения китайско-японского климата, прекрасно перенесли все невзгоды батумского климата, стали ежегодно покрываться цветами и, как у себя на родине, приносить изобильные плоды.

Когда зашла речь о начинаниях Попова и о возможности крупных доходов с плантаций, Соловцов собрал свои семена и засеял ими около десятины. Молодые всходы принялись отлично, и через три года, то есть в данный момент, он получил плантацию, кустарники которой лишь своим растопыренным видом, обусловленным недостатком правильной подстрижки, отличаются от китайских, японских или цейлонских. Весною нынешнего года в присутствии местной администрации был сделан сбор местного чая. Приказчик г.Соловцова, г.Лысенко, был первым русским чаеделом. Никогда не бывавший в Китае, точно так же как и его хозяин, он по книжке (кажется, по сочинению Землера) продельвал на простой сковороде все сложные манипуляции скручивания, прожаривания, вяления и сушки чая.

Само собою разумеется, что первый блин вышел комом. Чай вышел ни черный, ни зеленый, а что-то среднее, но важно то, что вышел настоящий, прекрасный, ароматный чай, по характеру настоя, нежности, аромата и вкуса соответствующий

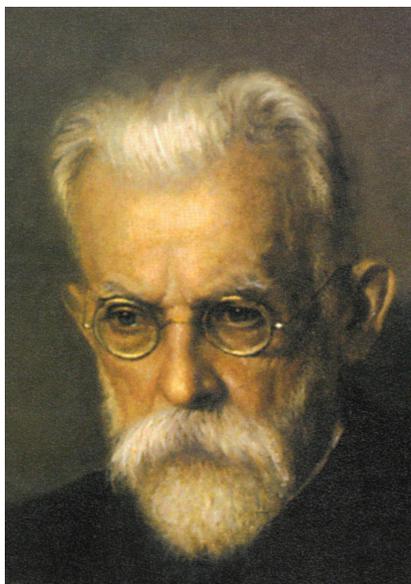
высшим сортам китайских чаев. Ему недоставало только той обработки, которая китайским чаеделам достается путем долгого опыта.

Так или иначе Соловцову, бесспорно, принадлежит честь неоспоримого доказательства, что в Батумской области чаеводство возможно так же хорошо, как в Китае и Японии.

А так как район флоры батумского типа простирается по Черноморскому побережью от Сочи и до турецкой границы и внутрь до Грузино-Имеретинских гор, то громадный край этот из края полуварварской культуры в будущем обещает сделаться житницей и источником громаднейших богатств для России, перед которыми нефть и другие минеральные богатства Кавказских гор отходят на второй план.

Но чай есть ничтожная частичка обширной коллекции субтропических растений, которые удельное ведомство, приобретая бассейн реки Чаквы, думает теперь, подобно чаю, акклиматизировать в крае. Ближайшее будущее должно показать, насколько блестяща должна быть эта новая зря культуры Батумского края, как и всякая культура, грядущая к нему с Дальнего Востока Азии.

*Исторический вестник,
1895, вып. 2.*

В.И. ВЕРНАДСКИЙ

ПАМЯТИ А.Н. КРАСНОВА (1862-1914)

(Печатается с сокращениями)

В конце 1914 г., 19 декабря, в Тифлисе скончался выдающийся русский натуралист Андрей Николаевич Краснов; он умер, давно больной, среди работы, в самый разгар организации им уже большого дела – Батумского ботанического сада, созданного по его мысли и его усилиями. Смерть его прошла почти незамеченной в широких кругах русского общества. А между тем это был очень талантливый человек, всю свою жизнь отдавший научно-искусствоведению и общественной науч-

ной работе. Память А.Н. Краснова была почтена лишь в главных провинциальных центрах его деятельности – в Харькове и Закавказье. В Петрограде, где слагалась его научная работа и где он до конца жизни не терял научных связей, Географическое общество ничем не почтило его память, хотя в 1880-х годах он блестяще работал в его среде и являлся одним из наиболее своеобразных, самостоятельно мыслящих русских географов. И в других ученых обществах столицы смерть его прошла малозаметной. Недавно Харьковское общество любителей природы под редакцией и по инициативе В.И. Талиева выпустило книгу, посвященную А.Н. Краснову; в ней помещены материалы для его биографии и перепечатаны некоторые из его статей, помещенные в старых журналах и газетах. Эта книга вновь вызывает перед нами облик недавно ушедшего от нас своеобразного талантливого натуралиста.

А.Н. Краснов родился в Петербурге в 1862 г. в культурной донской казачьей семье, в которой были живы интересы литературы уже в течение нескольких поколений. В Петербурге же он провел свои гимназические и университетские годы; здесь сложились его научные запросы, возникли им овладевшие замыслы. Яркая и интенсивная научная жизнь Петербурга того времени (1880-е годы) наложила на него свою печать. Влияние В.В. Докучаева и А.Н. Бекетова, шедшая в это время при Петербургском университете творческая работа в

области изучения почв и создания нового направления в почвоведении, исследования живой природы в тесной связи с историей Земли, с характером ее почвенного покрова, определили уклад его научных исканий. Этим стремлениям молодости, явившимся отражением петербургской научной атмосферы, А.Н. Краснов остался верен всю свою жизнь.

Его научная работа, однако, слагалась вдали от Петербурга. В течение ряда лет он объездил весь мир – побывал несколько раз в Азии, как на крайнем Дальнем Востоке – Китае и Японии, так и в тропических и подтропических областях юга – Индии, в Сибири, Центральной и Малой Азии. Он побывал и в Австралии, Полинезии, Северной и Центральной Америке, Северной Африке и Западной Европе. Россию он объехал от севера до крайнего юга и был большим знатоком ее природы, как северной, так и Украины и Кавказа. В конце концов его притянул к себе крайний юг – Закавказье, южное Черноморское побережье. Он считал, что самое красивое, что он видел в области природы нашего государства, представляло даже не Батумское побережье, где он осел в последние годы жизни, но пограничный с Турцией Захорохский край. Едва ли был другой русский натуралист его времени, за исключением, может быть, А.И. Воейкова, который в равной с ним мере был знаком личными переживаниями с природой разнообразных областей земной поверхности. А вместе с тем каждый знает, что для мыслящего

и ищущего исследователя никогда никакая книга не заменит личных переживаний, связанных хотя бы с кратковременным пребыванием среди природы или в новой культурной обстановке. Для географа это равноценно тому, что получает исследователь опытных наук, продельвая опыты и видя их эффекты, а не получая о них впечатления только из описания других, или что получает натуралист-систематик, видя и осязая те объекты, система которых является предметом его мышления. Трудно словами передать, сколько нового, неожиданного переживает этим путем каждый исследователь, какая своеобразная и интенсивная идет при этом творческая внутренняя работа...

Такая научная подготовка, шедшая всю жизнь, была характерна для А.Н. Краснова. Она стояла для него впереди других орудий искания, хотя он и пополнял всегда свои знания путем чтения. Значение этой научной работы еще увеличивает тем, что А.Н. Краснов пытался всегда передавать впечатления виденного не только в достижениях своей научной мысли, где они исчезают от постороннего взора; он в блестящих очерках природы и в художественных образах своих впечатлений и переживаний делал их доступными всему русскому обществу. Эти очерки, очень личные и своеобразные, как всегда при этом очень спорные и нередко шедшие вразрез с общепринятыми взглядами и убеждениями (А.Н. Краснов никогда не подчинялся никаким

политическим или общественным рамкам), оказывали, однако, благодаря его художественному таланту и глубине чувства жизни и природы, большое влияние в широких кругах читателей. А.Н. Краснов был не только ученым-натуралистом, он был художником, глубоко чувствовавшим красоты природы; в его научном творчестве этот субъективный элемент выдвигался на первое место, нередко в ущерб тем требованиям, которые ставятся наукой всякой передаче достигнутого ученым и которые необходимы для коллективного накопления научных фактов. В то же время он все время держал А.Н. Краснова в атмосфере природы как целого, питал его чувство единства природы, космоса, которое так ярко сквозит в его работах и которое сейчас нередко теряется среди специалистов нашего времени. В связи с этим единством космоса у него было стремление искать все высшее, все более прекрасного в природе, и он не раз говорил, что высшее художественное наслаждение и высшее чувство вечного космоса он переживал ночью в пустыне в восточных областях Сахары. Перед этими впечатлениями блекли для него все другие красоты природы.

Вся научная университетская жизнь А.Н. Краснова прошла в Харькове, где он в университете был первым профессором географии и создал впервые научный географический институт (1889-1912). В Харькове же он наряду с преподавательской и научной работой вел и большую культурную работу: он

пытался создать публичный ботанический сад, был в центре научно-популярных курсов для рабочих, читал популярные публичные лекции, одно время принимал деятельное участие в местной прессе, интересуясь и здесь не столько вопросами политики, сколько просветительно-культурными.

В 1912 г. вследствие развившейся тяжелой болезни эта деятельность стала ему не под силу; он вышел в отставку и в сознании близкой смерти с неукротимой энергией употребил остаток жизни на новое культурное создание – на осуществление своей старой идеи: создание в России большого ботанического сада среди подтропической природы. Сад этот не только должен был иметь значение чисто научное, но он должен был явиться всероссийским просветительным учреждением – живым музеем, где, не выезжая из пределов нашей страны, можно ознакомиться с чужой для русского южной природой. Вместе с тем он должен был нести и другую государственную задачу – явиться опытным учреждением для введения новых культур в область влажных субтропиков, входящих в состав нашего государства, т.е. некоторых частей нашего Закавказья. А.Н. Краснов правильно считал, что мы имеем здесь нетронутые огромные силы национального богатства, требующие для своего использования лишь приложения знания и труда. И эту задачу взял на себя человек, знавший, что он стоит на краю могилы. Он не только взял ее на себя,

но он ее и сделал. В немногие годы (1912-1914) ему удалось провести ее в жизнь, найти поддержку и сочувствие в правительственных кругах (у А.В. Кривошеина), получить нужное, выбранное им место около Батума (65 десятин), необходимые для начала денежные средства и заложить ботанический сад, который остался лучшим ему памятником. Он умер среди работы в связи с садом и похоронен там же на выбранном им месте, про которое он писал: «Сделайте от моей могилы просеку, чтобы мне видна была Чаква с окружающими ее снеговыми горами, куточками моря; я там впервые начал работу; там тоже осталась частичка моего я...»

А.Н. Краснов научно работал в областях географии, ботаники, геологии, почвоведения. Несомненно, оценка работ его будет делаться различно в течение хода времени, и разное будут на нее смотреть специалисты. Я следил всю его жизнь за этой работой, с которой не раз переплетались и мои научные интересы, но мои суждения, конечно, не суждения специалиста. Я могу оценивать эту работу лишь с более общей и менее компетентной точки зрения натуралиста, работавшего иногда в смежных областях. Но такая оценка должна иметь право на существование наряду с оценкой специалиста. Надо иметь в виду, что оценка работы А.Н. Краснова специалистами при его жизни была сурова. Натуралист-художник А.Н. Краснов нередко делал совершенно недопустимые в строгих требованиях современной

науки промахи, работал быстро, интенсивно и крайне небрежно. И, однако, при всем том в его научной работе были вечные элементы значительных достижений, и едва ли будущий историк научной мысли русского общества его времени примет без изменения критику современников. То ценное, что заключается в работе А.Н. Краснова, было прежде всего его самостоятельное научное искание, был бросающийся в глаза элемент творчества. Краснов пролагал новые пути в географии растений и собирал всю жизнь факты для создания своего в научной области. Он не шел по чужим путям, он их сам искал. Вместе с тем он пытался дать новый вид географическим обобщениям, давая свою, очень оригинальную попытку рассмотреть облик Земли как проявление единого космического процесса, причем для него человеческая культура неразрывно сливалась с другими проявлениями жизни природы. В этом направлении Краснов был одним из немногих у нас искателей географического синтеза, - того течения мысли, - который так ярок у крупных географов, начиная с Варения в XVII в., или Бюаша в XVIII в., или в XIX в. у Гумбольдта, Риттера, Рихтгофена.

Среди его многочисленных работ, конечно, найдутся многие факты и наблюдения, которыми будут всегда пользоваться научные исследователи, но есть четыре его работы, которые в целом заслуживают и сейчас внимания не только одних специалистов. Это, во-первых, две его диссертации: «Опыт истории разви-

тия флоры южной части Восточного Тянь-Шаня» (1889), напечатанная в «Записках императорского Русского географического общества», - блестящая, полная мысли и исканий работа, не потерявшая и до сих пор интереса, и «Травяные степи северного полушария» (1894), напечатанная в «Известиях Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Хотя в этой работе и видны обычные недостатки его исследований, в целом этот труд сохраняет большой интерес до сих пор, и в нем Краснов пытался поставить все еще не решенный вопрос о степях на более широкую основу сравнительно-географического изучения, чем это стояло – да и стоит до сих пор – в русской географической литературе. Кроме этих двух больших работ, заслуживают внимания его «Чайные округа субтропических областей Азии» (Культурно-географические очерки Дальнего Востока, I-II. 1897-1898) и «География растений» (Основы земледования, IV, 1898). В сборнике, посвященном Краснову, В.И. Талиев дал, как специалист, очень интересную оценку этого последнего большого труда А.Н. Краснова, совпадающую с общими впечатлениями натуралиста-неспециалиста. В этом труде собраны результаты многолетней самостоятельной мысли и работы в этой области, и нельзя не пожелать осуществления предложений В.И. Талиева о переиздании этого недооцененного в свое время труда, сделавшегося к тому же библиографической редкостью.

В этой последней большой работе А.Н. Краснов является не только ученым, но и блестящим художником слова. В ней он дает картины природы, равные которым удавалось дать немногим натуралистам. Такие же художественные очерки природы мы находим и в других работах А.Н. Краснова, и было бы правильно, если бы и они были извлечены из забвения из старых периодических изданий, которых никто не касается на полках библиотек.

Нередко в наш век точного знания мы смотрим с излишней небрежностью на художественное творчество в научном искании и в научной литературе. Мы забываем, что это творчество не только является элементом, помогающим открывать научную истину, но что оно и само по себе представляет великую ценность, имеет значение независимо от того, что достигается благодаря ему при решении научной задачи. Художественное творчество в работах натуралиста играет не меньшую, если не большую роль, чем та, какую оно играет в работах историков. Художественные описания природы или воссоздания ее процессов могут быть сравнены с двумя сторонами художественного творчества, историка – как с той, которая проявляется в воссоздании историком образов прошлого или портретов его деятелей, так и с той, которая проявляется в записках и воспоминаниях, исторически точно воспроизводящих настоящее, дающих материал для историка в будущем.

То же самое мы имеем и в ху-

дожественной работе натуралиста. Больше того: в вечно сменяющемся ходе времени картина природы или ее части, воспроизводимая по-живому натуралистом, быстро и неизбежно принимает характер записок о прошлом; она приобретает характер иногда через одно поколение уже главным образом исторический интерес, не отвечая действительности. Чем выше художественный талант, чем шире и глубже захвачена область природы, тем значительнее важность данного произведения как исторического памятника о недавнем прошлом Земли. Такое прошлое рисуют для нас старые путешественники, описывавшие ими виденное в странах, после них совсем изменивших свой облик, например, такие художники-натуралисты, как Гумбольдт или Одюбон в Америке. С ходом времени их описания дают нам картины не существующей, а существовавшей природы. Но даже для каждой мало изменившейся местности картина природы художника-натуралиста меняется с каждым поколением, так как каждый натуралист видит в ней новое и не видит того, что увидит его потомок. Ибо видение природы, особенно натуралистом, отражает в себе всегда психический уклад художника. В связи со своей духовной личностью или с состоянием знаний в свою эпоху натуралист дает нам ту или иную картину одного и того же природного явления, подобно тому как живописец разной эпохи и разного настроения совершенно разно рисует одну и ту же великую картину

природы.

В каждом таком научном описании природы есть лирический элемент. Он виден в нем даже тогда, когда личность автора нигде не выступает явно. Уже по одному этому картина природы вечно меняется в сознании человечества даже тогда, когда она дается не поэтами или художниками, но учеными. Но она и сама по себе меняется, помимо изменения человеческой личности или ее среды.

Среди ученых-художников, давших нам картины природы их времени и их понимания, А.Н. Краснов занимает своеобразное и большое место. К сожалению, мы его сейчас оценить не можем. Ибо для нас вся работа этого рода, сделанная русскими натуралистами, является еще мертвой; она еще погребена и не оживлена историческим знанием. Их работы скрываются в тиши библиотек, труднодоступны, не изданы и не сравнены. Было бы сейчас важным и хорошим делом, если бы были изданы и собраны не только недавние, еще нашей памяти, картины природы, данные Красновым, но и забытые труды его предшественников начиная с XVIII в. Только тогда придет время для оценки этой стороны научного творчества А.Н. Краснова, станет ясным его положение в категории научных изысканий, своеобразие и самостоятельное научное проникновение в космос его личности.

1916

Ф.М МИЛЬКОВ.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. КРАСНОВА

1862 г., 27 октября – родился в Петербурге, в семье генерала Николая Ивановича Краснова.

1880 г. - заканчивает с золотой медалью 1-ю Петербургскую гимназию и поступает на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета..

1881 г. - выходит первая печатная работа А.М. Краснова «Очерк жизни сорока обыкновеннейших насекомых из всех отрядов», изданная кружком «Молодых ботаников».

1882 г., лето – принимает участие в научной экспедиции по Алтаю.

1882 г. - принимает участие в экспедиции по Нижегородской губернии под руководством профессора В.В. Докучаева.

1883 г., ноябрь – делает доклад на заседании общества естествоиспытателей «О зависимости между почвой и растительностью в черноземной полосе Европейской России».

1884 г. - награжден золотой медалью на университетском конкурсе.

1885 г., зима – заканчивает университет со степенью кандидата и остается для подготовки к профес-

сорскому званию.

1885 г., лето – принимает участие в экспедиции под руководством профессора Мушкетова в Калмыцкие степи; получает серебряную медаль за исследование Калмыцких степей и избирается действительным членом Географического общества.

1886 г., весна – решением Географического общества направлен в экспедицию по исследованию ледников Хан-Тенгри.

1886 г., 15 июня – отчитывается перед Географическим обществом по первой части экспедиции, исследовавшей южные окрестности озера Балхаш.

1886 г., лето – открывает новые ледники на водоразделе между реками Сырдарья и Тарим.

1886 г., ноябрь – выступает в Географическом обществе с докладами «О природе и жизни на ледниках Хан-Тенгри в Тянь-Шане» и «О природе Балхашской низменности»; получает золотую медаль от Географического общества за участие в экспедиции на Тянь-Шань.

1887 г. - сдает магистерские экзамены; командирован в Западную Европу для ознакомления с системой преподавания в университетах Западной Европы и подготовки к профессорской деятельности.

1887 г., зима – делает доклад об экспедиции по Азии в Бреславле и преподает собственную теорию происхождения лесов.

* Мильков Федор Николаевич (1918-1996). Русский физикогеограф, ландшафтовед, педагог. Доктор географических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. Почетный член Географического общества СССР (Русского географического общества).

1888 г., весна – делает доклад в Берлинском географическом обществе и избирается в его действительные члены; читает доклад в Парижском географическом обществе; принимает участие в Международном конгрессе археологов в Лондоне и путешествует по Уэллсу.

1889 г., 18 марта – защищает диссертацию на степень магистра ботаники, получает за этот труд золотую медаль Географического общества.

1889 г., лето – поездка по Нижегородской губернии с целью исследования известняков.

1889 г., осень – А.М. Краснов назначен экстраординарным профессором географии Харьковского университета.

1889 г., 16 сентября – читает вступительную лекцию в Харьковском университете.

1890 г. - организует географический кабинет и географический кружок.

1890 г. - принимает участие в Международном геологическом конгрессе в Вашингтоне, где выступает с докладом о степных почвах Южной России, избирается членом «Geological Society».

1890 г. - путешествует по Америке.

1890 г., лето – первая экскурсия со студентами на Кавказ по Военно-Грузинской дороге и в Сванетию.

1890 г., осень – исследует Харьковскую и Полтавскую губернии.

1890 г., зима – избирается в члены географического отделения Общества любителей природы; читает доклады: на заседании Общества

– «Современное состояние и ближайшие задачи геоботанических исследований южнорусских степей», в Географическом обществе – «О горной флоре Сванетии».

1891 г. - экскурсия на Кавказ со студентами (грязевые вулканы, Баку).

1892 г., 4 января – путешествует по Восточной Азии (Япония, Китай, Ява, Сингапур, Цейлон).

1893 г. - работает над диссертацией на соискание степени доктора географии.

1893 г., лето – экскурсия со студентами на Кавказ, в ледовую область Эльбруса.

1894 г., апрель – защищает в Московском университете диссертацию на степень доктора географии.

1894 г., лето – экскурсия со студентами по Военно-Грузинской дороге.

1894 г., осень – избирается ординарным профессором Харьковского университета; публикует труд «Из поездки на Дальний Восток Азии» и первую статью о Колхиде – «Батумский край как русский уголок субтропической природы».

1895 г. - издаются 1-й и 2-й выпуски «Основ землеведения», статья «К флоре бассейна реки Чаквы» и путевые зарисовки «По островам Дальнего Востока».

1895 г. - второе путешествие по тропическим странам.

1896 г. - доклад на общем собрании Российского географического общества «О результатах экспедиции 1895 года в тропики»; издает письма о кругосветном путе-

шествию; сотрудничает с педагогическим журналом «Естествознание и география»; принимает участие в работе «Харьковского общества грамотности».

1897 г. - издан 3-й выпуск «Основ земледения» и 1-й выпуск книги «Чайные округа субтропических областей Азии».

1898 г. - читает лекции на Высших женских курсах для сотрудников железнодорожных мастерских; издается книга «Из колыбели цивилизации».

1898 г., 10 июня – женится на Анастасии Николаевне Радаковой.

1898 г., зима – издан 2-й выпуск книги «Чайные округа субтропических областей Азии».

1899 г. - выходит 4-й выпуск «Основ земледения» (география растений); принимает участие в Международном географическом конгрессе в Берлине, где делает доклад «Место Колхиды во влажных субтропических областях земного шара».

1899 г. - возглавляет кафедру ботаники в Харьковском ветеринарном институте.

1900-1902 гг. - принимает участие в организации курсов для рабочих; начинает опыты по акклиматизации с субтропическими и тропическими культурами на Кавказе. Создает географический отдел при городском музее Харькова.

1903-1904 гг. - едет на Азовское море; изучает вулканы в Бакинской губернии, организует библиотеку для рабочих курсов.

1905 г., август – путешествие в Норвегию.

1906 г. - организует ботанико-географический сад при Харьковском ветеринарном институте (прототип Батумского).

1906 г., лето – едет в Батуми и в Европу (Венгрия, Италия, Франция).

1907 г. - поездка в Петербург; статья «Харьковские курсы для рабочих как начало русского народного университета» и другие статьи о народном просвещении.

1907 г. - едет на Кавказ (Минеральные воды) и в Бруссу (старое название Бурсы – административного центра, четвертого по величине города в Турции – *Н. З.-Ш.*); составляет путеводитель по ботаническому саду при Харьковском ветеринарном институте.

1908 г. - издание 1-й части «Курса земледения»; резко негативная рецензия московского профессора Д.М. Анучина на этот труд.

1908 г., июнь – путешествие по Волге.

1908 г., лето – поездка в Минеральные воды и в Батуми; выходит 2-я часть «Курса земледения»; читает курс лекций для учителей и рабочих г. Харькова.

1909 г. - выходит 3-я часть «Курса земледения».

1910 г., 8 февраля – статья «Десятилетие курсов для рабочих»; работа в редакции «Народной энциклопедии»; издание «Лекций по физической географии» и «Лекций по ботанике для студентов ветеринарных институтов, медиков и для самообразования».

1910 г., август – едет в Батуми, где в Городской думе читает доклад

на тему «Что можно сделать в батумском климате», а на заседании Батумского общества сельских хозяйственников – доклад «Об организации акклиматизационного ботанического сада в приморском районе Батумской области»; пишет статьи для «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний Харьковского общества распространения в народе грамотности»; издается 1-й выпуск книги «Натуралист на Кавказе».

1911 г. - избирается редактором прогрессивной харьковской газеты «Южный край».

1911 г., весна – едет в Батуми, где читает доклад в Батумском обществе сельских хозяйственников (на этом заседании принимается проект сада).

1911 г., лето – едет в Пятигорск и Мацесту.

1911 г. - принимает участие во 2-м Общероссийском съезде писателей в Петербурге как представитель газеты «Южный край».

1911 г. - пишет статью о народном просвещении; выходит 2-й выпуск книги «Натуралист на Кавказе» и статьи о российских субтропиках.

1911 г., 15 декабря – представляет директору Департамента земледелия проект организации Батумского ботанического сада и исследовательской станции.

1912 г., лето – едет в Петербург по делам, связанным с организацией Батумского ботанического сада; пишет последнюю теоретическую работу (о методах географии).

1912 г. - выходит в отставку и

переезжает в Батуми; пишет статью «Южная Колхида и ее место среди других субтропических областей земного шара»; избирается директором Батумского общества сельских хозяйственников и редактором журнала «Русские субтропики».

1912 г., 3 ноября – открытие Батумского ботанического сада.

1913 г., сентябрь – статья «Батумский ботанический сад за первый год его существования»; участие в выставке «Русская Ривьера» в Петербурге.

1914 г. - отправляется на лечение во Францию; в связи с объявлением войны возвращается на родину; в Харькове по просьбе Харьковского общества любителей природы читает последнюю публичную лекцию о Батумской области; едет в Батуми, потом в Тифлис, где читает лекции на Высших женских курсах.

1914 г., осень – работает над путеводителем по Батумскому ботаническому саду.

1914 г., 29 ноября – читает доклад в Тифлисе на общем собрании кавказского отделения Российской географического общества «Батумское побережье как центр влажных субтропических областей России».

1914 г., начало декабря – пишет статью про дальнейшее направление журнала «Русские субтропики».

1914 г., 19 декабря – Андрей Николаевич Краснов скончался. Похоронен, согласно его воле, в Батумском ботаническом саду.

*Перевод с украинского
Н. Зардалишвили-Шадур*

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები, ხოლო XVII საუკუნის დასაწყისში რუსეთი გახდა იბერიის რელიგიური და დიპლომატიური მფარველი. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება. პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established, and in the beginning of the XVII century, Russia became the religious and diplomatic patron of the Iberian lands. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially- "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗДАТЕЛЬ РАЯ НА ЗЕМЛЕ	5
РУССКИЕ ТРОПИКИ	22
ПАМЯТИ А.Н. КРАСНОВА	50
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. КРАСНОВА	56

ИСТОЧНИКИ

- А.Н. Краснов. Русские тропики. Ист. вестник. — 1895. — В. 2.
- Черванев И. Г. Конструктивное земледелие А. Н. Краснова.
- Мильков Ф.М. Основні дати життя та діяльності А.М.Краснова
<http://krasnov1862-1914.narod.ru/>
- Вернадский В. И. Памяти А. Н. Краснова (1862—1914) // Природа : журнал. — 1916. — № 10.
- Мильков Ф. И. А. Н. Краснов - географ и путешественник. — М., 1955.
- Бейлин, И. Г., Парнес, В. А. Андрей Николаевич Краснов. — М., 1968.
- Кирия М. Он верил: саду цвести! Русский клуб, журнал – 2007. № 10.
- Герман Федоровский. Научный подвиг профессора Краснова.
<http://edemkavkaza.ru/biografii/526-krasnovstory.html>
- Батумский ботанический сад.
<https://ru.wikipedia.org/wiki>
- М.Т.Мазуренко. Воспоминания о Батумском ботаническом саде.
<http://maja-mazurenko.livejournal.com/1331.htm>

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

СОЗДАТЕЛЬ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

АНДРЕЙ КРАСНОВ

Редактор
ИННА БЕЗИРГАНОВА

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

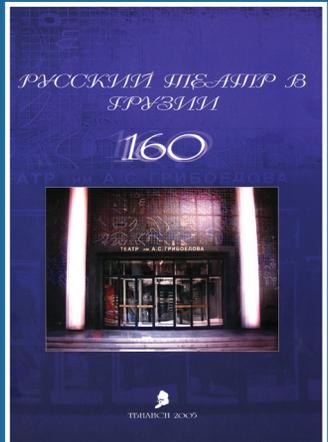
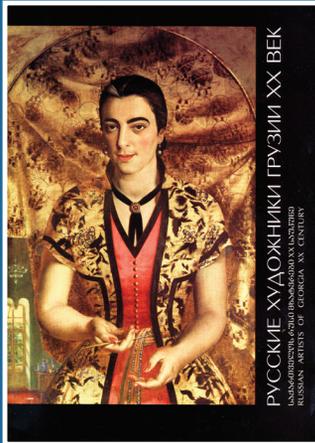
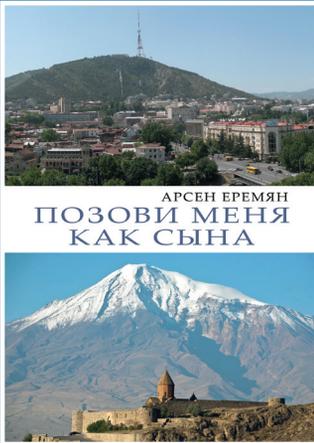
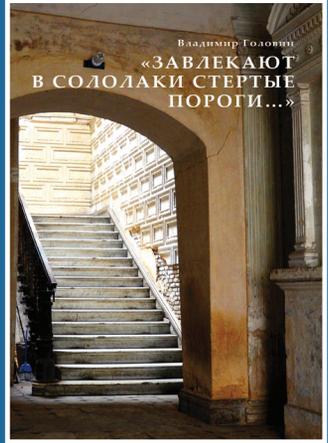
Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Фотоработы
ГОГА ЧАНАДИРИ

Над книгой работали
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ

В книге использованы снимки из интернет-ресурсов

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Нина Зардалишвили-Шадури – филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редакционной коллегии общественно-художественного журнала «Русский клуб». Автор статей по теории литературы. Участник ряда международных научных конференций по русской филологии. Автор, редактор и составитель ряда художественных и научно-популярных изданий.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

